

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

РИНЦ 358-05/2015

ISSN 2412-8953

УДК 8

ББК 80/83

Международный научно-
практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№1 / 2016

Нижний Новгород

УДК 8
ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический электронный журнал. – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. – №1. – 62 с.

ISSN: 2412-8953

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» №8 включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в номер журнала, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала www.faspect.ru

УДК 8
ББК 80/83

ISSN: 2412-8953

Редакционный совет:

Плесканиук Т.Н. – главный редактор, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, член диссертационного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

Краснова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Финансов и банковского дела Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования.

Пацюкова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ.

Сартакова Елена Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и инвестиций филиала Южно-Уральский государственного университета г. Снежинска.

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

© НОО Профессиональная наука, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Киселева Наталья Александровна РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «ОСЕННЯЯ ГУМАНИТАРНАЯ ОЛИМПИАДА» (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)	5
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	
Джанибекова Джамиля Султановна ОБРАЗ ГОРЦА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА.....	9
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	
Джанибекова Джамиля Султановна ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТОВ-ПОМОЩНИКОВ В СКАЗКАХ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ И В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	11
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Костецкий Виктор Валентинович ДИАЛОГОВЫЕ ИСТОКИ ЯЗЫКА И АНТИ-ЯЗЫКОВЫЕ ИСТОКИ ДИАЛОГА	13
РУССКИЙ ЯЗЫК	
Антамошкина Зинаида Семеновна СПЕЦИФИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В НОВОСТНЫХ ТЕКСТАХ	19
Антамошкина Зинаида Семеновна ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ	26
Плеканюк Татьяна Николаевна ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА	31
Твердохлеб Ольга Геннадьевна АГЕНС СИТУАЦИИ, ОПИСЫВАЕМОЙ ГЛАГОЛАМИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДАВЛЕНИЕ».....	34
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	
Меркулова Евгения Николаевна, Раззамазова Ольга Владимировна ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ФАКТОРА УВЕРЕННОСТИ МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ	38
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ	
Saladounikava Tatyana Vladimirovna MODELES EXPERIMENTAUX DE L'ANALYSE DU DISCOURS	42
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА	
Герасимова Светлана Анатольевна, Осовитная Кристина Игоревна ПРАГМАТИКА УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....	47
Усачев Вадим Анатольевич, Усачева Галина Михайловна АССИМИЛЯЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ	49
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Петрова Инна Михайловна О КОНСТРУКЦИЯХ И КОНСТРУКТИВИСТСКОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	54
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ	
Лапина Ирина Викторовна, Штриккер Анастасия Вальдемаровна ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНТЕРАКТИВНОМ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ	58

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 374.32

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «ОСЕННЯЯ ГУМАНИТАРНАЯ ОЛИМПИАДА» (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Киселева Наталья Александровна

Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре

Kiseleva.natali.ru@yandex.ru

PROJECT «AUTUMN HUMANITARIAN OLYMPICS» (EXPERIENCE)

Kiseleva Natalya Aleksandrovna

The branch of Omsk State Pedagogical University in Tara

Аннотация

Цель данной статьи – распространение успешного опыта реализации проекта гуманитарной олимпиады для школьников. Автор описывает цель, задачи, этапы реализации проекта. Представлены количественные и качественные результаты реализации проекта, календарный план мероприятий. В статье сделаны выводы об успешности и целесообразности использования метода проектов при проведении мероприятий профессиональной ориентации школьников.

Ключевые слова: проект, профессиональная ориентация, олимпиада.

Abstract

The purpose of this article - dissemination of successful experience in implementing projects of humanitarian Olympiad for schoolchildren. The author describes the purpose, objectives, stages of the project. Quantitative and qualitative results of the project schedule activities. The article made conclusions about the success and feasibility of the method of projects for the activities of vocational guidance of schoolchildren.

Keywords: design, professional orientation, Olympiad.

Проектная деятельность – один из видов деятельности, которым должен овладеть магистрант в процессе обучения по направлению «Педагогическое образование» [3]. Данное требование является вполне оправданным, поскольку навыки проектной деятельности определены и Федеральными государственными стандартами среднего (полного) общего образования [2].

Проект [лат. projectus брошенный вперед] – 1) разработанные чертежи постройки, машины, завода, схема технологического процесса и т. д.; 2) предварительный, предположительный текст какого-либо акта, документа и т. п.; 3) план, замысел [1].

На наш взгляд, проведение какого-либо мероприятия может быть успешным, эффективным, если идея этого мероприятия будет представлена в форме проекта. В данной статье представим опыт разработки и реализации проекта профориентационного мероприятия для старшеклассников «Осенняя гуманитарная олимпиада».

Сегодня проблема профориентации школьников приобретает особый вес, так как условия жесткой конкуренции на рынке труда затрудняют адаптацию молодежи в обществе. По-нашему мнению, условием эффективности профессиональной ориентации школьников является организация целенаправленной, систематической работы с учетом особенностей региона.

Профориентационная работа в Филиале ОмГПУ в г. Таре включает различные формы деятельности: проведение дня открытых дверей; заключение договоров со школами о

сотрудничестве; организация работы Воскресного малого университета; работа базовых кафедр; организация подготовительных курсов; организация исследований по профпригодности школьников; проведение мастер-классов для школьников преподавателями-предметниками; организация различных конкурсов для абитуриентов и др.

На наш взгляд, одной из эффективных форм работы по привлечению абитуриентов является проведение предметных олимпиад. Подобная форма работы была успешно апробирована вузом в 2009-2013 гг. Проведение олимпиады способствует профессиональной ориентации старшеклассников, развитию интереса к педагогической профессии. Участие в олимпиаде дает возможность школьникам, учителям и родителям обучающихся познакомиться с Филиалом ОмГПУ в г. Таре: с базой вуза, преподавателями, студентами, основными видами деятельности студентов педагогического вуза, преимуществами обучения в данном вузе. Проведение олимпиады по таким предметам, как русский язык, литература, обществознание, история способствует развитию интереса к данным гуманитарным наукам, позволяет выявить талантливых школьников, а также определить уровень подготовки старшеклассников к ЕГЭ по данным предметам, что позволит вузу вести дальнейшую целенаправленную работу по формированию будущего контингента.

Цель проекта – привлечь абитуриентов в Филиал ОмГПУ в г. Таре посредством проведения на базе вуза олимпиады по гуманитарным дисциплинам для школьников г. Тары, Тарского и других районов.

Задачи проекта:

1. Разработать положение об олимпиаде, информационное письмо, задания для проведения олимпиады, программу проведения олимпиады.
2. Привлечь партнеров – спонсоров проведения олимпиады.
3. Информировать учителей и старшеклассников образовательных организаций г. Тары, Тарского и других районов Омской области о проведении олимпиады.
4. Провести олимпиаду в соответствии с разработанной программой.
5. Выполнить анализ результатов проекта – количество привлеченных абитуриентов в филиал ОмГПУ в г. Таре.

Ожидаемые результаты.

Качественные результаты.

Проведение Осенней гуманитарной олимпиады для школьников будет способствовать профессиональной ориентации старшеклассников, развитию интереса к педагогической профессии и гуманитарным наукам: русскому языку, литературе, истории, обществознанию. Участие в олимпиаде позволит школьникам, учителям и родителям обучающихся познакомиться с филиалом ОмГПУ в г. Таре, преимуществами обучения в данном вузе.

Количественные результаты.

Успешная реализация проекта позволит

- привлечь к участию в олимпиаде не менее 80 участников не менее чем из 12 образовательных организаций;
- информировать о приемной кампании не менее 80 участников не менее чем из 12 образовательных организаций;
- привлечь не менее 20 абитуриентов, которые выберут филиал ОмГПУ в г. Таре в качестве одного из вузов для поступления;
- привлечь не менее 15 абитуриентов, которые выберут филиал ОмГПУ в г. Таре в качестве основного вуза для поступления.

Для реализации проекта также необходимо использовать следующие материальные и человеческие ресурсы Филиала:

1. Актовый зал – 1,
2. Учебные аудитории – 5,
3. Гардероб – 1,
4. Столовая -1,
5. Проектор – 1,

6. Компьютеры – 3,
7. Музыкальное оборудование – 1,
8. Цветной принтер – 1,
9. Студенты-волонтеры – 50 человек,
10. Преподаватели (жюри, оргкомитет и др.) – 15 человек.

Календарный план реализации проекта представим в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Календарный план реализации проекта

№	Мероприятия	Сроки	Ожидаемый результат	Ресурсы
1	Разработка документации проекта: положения, информационного письма, олимпиадных заданий	09.11.15-15.11.15	Положение о проведении олимпиады, информационное письмо, олимпиадные задания	Офисная бумага – 2 пачки
2	Составление бюджета проекта, поиск спонсора	12.11.15-17.11.15	Бюджет проекта, партнер-спонсор олимпиады	30 000 рублей
3	Информирование образовательных организаций: проведение встреч, рассылка информационных писем	12.11.15-20.11.15	Не менее 80 участников олимпиады	-
4	Разработка макетов сертификатов, дипломов, благодарственных писем, приобретение призов	17.11.15-20.11.15	Макеты сертификатов, дипломов, благодарственных писем; 6 планшетных компьютеров	30 000 рублей
5	Разработка программы олимпиады, анкеты участников олимпиады, сценария концертной программы; подготовка презентации; проведение репетиций концерта	15.11.15-20.11.15	Программа олимпиады, сценарий концерта, мультимедийная презентация	-
6	Проведение олимпиады согласно программе	21.11.15	Олимпиада (см. программу)	-
7	Рассылка электронных сертификатов участникам олимпиады, информирование СМИ о результатах проведения олимпиады	23.11.15-25.11.15	Электронные сертификаты участников олимпиады, статья о результатах проведения олимпиады на сайте филиала, в газетах «Молодость», «Тарское Прииртышье»	-
8	Рефлексия, выявление потенциальных абитуриентов филиала ОмГПУ в г. Таре	26.11.15-30.11.15	Список потенциальных абитуриентов	-
9	Подготовка отчета	01.12.15-06.12.15	Отчет о реализации проекта	-

Этапы реализации проекта.

1. Концептуальный этап.

На этом этапе проводилось изучение проблемы привлечения абитуриентов в Филиал ОмГПУ в г. Таре (формулировались цель, задачи проекта, была определена команда реализации проекта, выполнен анализ потенциала команды), осуществлялся поиск источников финансирования олимпиады. Была проанализирована осуществимость проекта, составлена первичная смета расходов, намечены конкретные способы реализации и сроки.

По завершении данного этапа мы сравнили наш находящийся пока еще в зачаточном состоянии проект проведения олимпиады с другими проектами такого типа, оценили его с точки зрения установленных правил и приняли решение о его реализации.

2. Этап разработки (планирования) проекта.

Данный этап включал дальнейшее прорабатывание деталей проекта и определение его конечных результатов, распределение обязанностей и утверждение сроков, уточнение объема расходов и временных рамок. На данном этапе было разработано и утверждено положение о проведении олимпиады, информационное письмо, олимпиадные задания, программа проведения олимпиады, сценарий концерта, макеты благодарственных писем, дипломов, сертификатов участников, определены призы для победителей. Проведены репетиции программы олимпиады (организация работы секций, концерт для участников олимпиады, церемония награждения).

Также на данном этапе была организована работа по привлечению участников олимпиады: проведены встречи с учителями и обучающимися школ г. Тары и Тарского района, разосланы информационные письма в Комитеты по образованию и образовательные организации г. Тары, Тарского и других районов, размещено объявление на сайте Филиала ОмГПУ в г. Таре.

3. Этап реализации проекта.

Проведение Осенней гуманитарной олимпиады согласно программе. Основными вехами олимпиады являлись: встреча и регистрация участников олимпиады, выполнение заданий олимпиады, проверка олимпиадных заданий и определение победителей олимпиады, проведение концертной программы для участников олимпиады, награждение победителей (вручение дипломов, благодарственных писем, призов), рассылка электронных сертификатов участникам олимпиады.

По мере осуществления проекта постоянно осуществлялся контроль хода работ с целью соблюдения графика.

4. Этап завершения проекта.

Данный этап реализации проекта заключался в проверке решения поставленных задач, достижении цели проекта.

Анализ показал, что все поставленные задачи решены:

1. Разработано положение об олимпиаде, информационное письмо, задания для проведения олимпиады, программа проведения олимпиады.

2. Привлечен спонсор проведения олимпиады.

3. Информированы учителя и старшеклассники образовательных организаций г. Тары, Тарского и других районов Омской области о проведении олимпиады.

4. Проведена Осенняя гуманитарная олимпиада в соответствии с разработанной программой.

5. Выполнен анализ результатов проекта – количество привлеченных потенциальных абитуриентов в филиал ОмГПУ в г. Таре: 24 человека.

Цель проекта – привлечь абитуриентов в филиал ОмГПУ в г. Таре посредством проведения на базе вуза олимпиады по гуманитарным дисциплинам для школьников г. Тары, Тарского и других районов в период – достигнута.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проект разработан корректно, результаты его реализации показывают целесообразность выбора данной формы работы для проведения профессиональной ориентации школьников.

Библиографический список

1. Большой словарь иностранных слов: - М.: - ЮНВЕС. – 2001. – С. 522.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/documents/2365/>
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) "магистр") [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://fgosvo.ru/>

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 81

ОБРАЗ ГОРЦА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА
Джанибекова Джамиля Султановна
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
atam0009@bk.ru

THE IMAGE OF A HIGHLANDER IN A.S. PUSHKIN'S WORKS
Dzhanibekova Dzhamila Sultanovna
North Caucasus Federal University, Stavropol

Аннотация

Статья посвящена изучению образа горца в текстах художественных произведений А.С. Пушкина. Для представления полного и целостного образа в статье выделены и описаны тематические группы, с помощью которых читатель знакомится с жизнью и культурой горцев.

Ключевые слова: горец, образ, тематические группы.

Abstract

The article is devoted to the study of the image of a highlander in A.S. Pushkin's works of fiction. To present a complete and coherent image of the article identified and described thematic groups, with which the reader is acquainted with the life and culture of the highlanders.

Keywords: highlander, image, thematic groups.

До А.С. Пушкина мотивы о Кавказе редко и поверхностно затрагивались в русской художественной литературе. Писатель обращает пристальное внимание к Кавказу, отображает своеобразие этого края с его многочисленным населением, тысячелетней культурой и богатейшей природой. А.А. Пушкин в своих произведениях кавказского цикла через язык пытался познакомить русского читателя с бытом, традициями, обычаями, культурой, характером горцев и, конечно, природой Кавказа.

Для представления полного и целостного образа жителей гор в произведениях А.С. Пушкина можно выделить отдельные тематические группы, с помощью которых мы можем ознакомиться с жизнью и культурой горцев: тематическая группа «религия», тематическая группа «еда», тематическая группа «оружие», тематическая группа «одежда», тематическая группа «обычай», тематическая группа «природа».

Рассмотрим их более подробно.

Тематическую группу «*религия*» составляют ключевые лексемы *Аллах, Коран, мулла, молитва, мечеть* и т.д. Приведем несколько примеров из произведений А.С. Пушкина с использованием мусульманской религиозной терминологии: «*Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы*» [2, с. 69]; «*Мы пришли к дому Осман-паши; нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусом, – на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из Корана*» [2, с. 74].

Тематическая группа «*еда*» (отметим, что здесь же рассматриваются напитки) составляют лексические единицы *шашлык, чурек, кумыс, буза* и т.д.: «*За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских*» [2, с. 77]; «*Луною чуть озарена, / С улыбкой жалости отрадной / Колена преклонив, она / К его устам кумыс прохладный / Подносит тихою рукой*» [2, с. 386] и «*Черкешенка, тропой тенистой, / Приносит пленнику вино, / Кумыс, и ульев сот душистый, / И белоснежное пиено*» [2, с. 390].

Тематическая группа «*оружие*» представлена такими лексемами как *кинжал, сабля, шашка*. Например: «*Черкес оружием обвешен; / Он им гордится, им утешен; / На нем броня, тицаль, колчан, / Кубанский лук, кинжал, аркан / И шашка, вечная подруга / Его трудов, его досуга*» [2, с. 390].

Головные уборы, верхняя одежда, обувь составляют тематическую группу «*одежда*». Данная группа представлена следующими лексемами: *папах, бурка, башлык, чекмень, чалма* и т.д. Опишем их значение благодаря информации словарей и контекстов, предложенных А.С. Пушкиным.

Папах – «высокая меховая шапка» [1, с. 422]. В тексте А.С. Пушкина находим: «*Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папaxe и по крашеным ногтям*» [2, с. 102].

Бурка – «род плаща или накидки из валяного войлока и козьей шерсти на Кавказе» [3, с. 24]. Приведем пример из текста: «*Смотрел по целым он часам, / Как иногда черкес проворный, / Широкой степью, по горам, / В косматой шапке, в бурке черной, / К луке склоняясь, на стремяна / Ногою стройной опираясь, / Летал по воле скакуна, / К войне заране приучаясь*» [2, с. 394]; «*Я затащил ремни моей бурки, надел башлык на картуз и поручил себя providению*» [2, с. 107].

Особое место в художественных текстах А.С. Пушкина занимает тематическая группа «*природа*». «*Влачась меж угрюмых скал, / В час ранней, утренней прохлады, / Вперял он любопытный взор / На отдаленные громады / Седых, румяных, синих гор. / Великолепные картины! / Престолы вечные снегов, / Очам казались их вершины / Недвижной цепью облаков, / И в их кругу колосс двуглавый, / В венце блистая ледяном, / Эльбрус огромный, величавый, / Белел на небе голубом*» [2, с. 401].

Описания природы выбраны А.С. Пушкиным неслучайно, ведь горские народы всегда тесно ощущали связь человека и природы. В произведениях А.С. Пушкина человек является не просто частью природы, он ее мельчайшая компонента: природа везде, а человек всего лишь гость в ней. Но особое отношение к народам, живущим в горах – они великие, гордые, они равноправны с природой, потому что знают ее цену.

А.С. Пушкин стремился проникнуть в глубину инородного сознания. Раскрывая особенности Кавказа и его жителей, автор старается показать необходимость взаимопонимания. Литература является способ познания. Благодаря произведениям А.С. Пушкина (описаниям традиций, религиозных обрядов, природы и самих горцев) русские читатели могли более точно и ясно представить себе жителей гор, проникнуть в быт и повседневную жизнь горцев.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М., 1986.

2. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Художественная литература, 1959—1962.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 82

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТОВ-ПОМОЩНИКОВ В СКАЗКАХ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ И В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Джанибекова Джамия Султановна

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
atam0009@bk.ru

FUNCTIONAL FEATURES ITEMS HELPERS IN FAIRY TALES NEKRASOV COSSACKS AND RUSSIAN FOLK TALES

Dzhanibekova Dzhamila Sultanovna

North Caucasus Federal University, Stavropol

Аннотация

В статье выделены и описаны функциональные сходства и различия предметов-помощников героев сказок казаков-некрасовцев и предметов-помощников героев русских народных сказок. Также дана классификация изучаемых в данной статье предметов-помощников.

Ключевые слова: сказка, предметы-помощники, предметы-вредители, волшебный помощник, волшебный предмет.

Abstract

The article identified and described the similarities and differences of subjects helper of heroes tales Nekrasov Cossacks and objects helper heroes of Russian folk tales. Also, the classification of the studied subjects in this article helpers.

Keywords: fairy tale, helper objects, items pests, magical helper, magical object.

Сказки – это один из основных жанров фольклора, эпическое, преимущественно прозаическое произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел. Русские народные сказки и сказки казаков-некрасовцев схожи по своей структуре, жанровой специфике. Так, в русских сказках, как и в сказках казаков-некрасовцев, выделяются сказки смешные, детские, бывальщины, волшебные и т.д. Но они отличаются особенностями описания. Рассмотрим, к примеру, русскую устную народную сказку «Петушок – золотой гребешок» и сказку казаков-некрасовцев «Кот, Кочеток и Лиса Ивановна». И в той, и в другой сказке лиса заманивает Кочетка (петушка) песней. Смысловое наполнение этих песен одно и то же, а используемая для описания лексика разная: «Петушок, петушок, Золотой гребешок» [1, с. 7] и «Петух ты, петух, Неправильный твой дух» [2, с. 58]. Также в первой сказке лиса схватила петуха в «когти» (когти выступают в виде помощников), а во второй просто схватила и убежала; в сказке казаков-некрасовцев Кот побеждает Лису с помощью предметов-помощников (молоток, ножичек, чувал), в русской народной – самостоятельно.

Для достижения цели героям сказок любых жанров помогают разные помощники. Это – животные, волшебные предметы, предметы-помощники. Мы рассмотрим предметы-помощники героев сказок.

Следует отметить, что предметы-помощники встречаются почти во всех сказках независимо от всего многообразия жанров и независимо от народности.

В сказке казаков-некрасовцев *«Наливное яблочко – золотое блюдечко»* и в русской народной сказке *«Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке»* также наблюдаются некоторые различия. Например, в русской народной сказке дудочка *«поет-выговаривает»*, а у казаков-некрасовцев *«жалобно гутарит»*.

Также выделяется такая особенность предметов-помощников, как способность выполнения одной и той же функции разными предметами в различных сказках. Так, в сказке *«Царь, синод и крестьянин»* гражданская форма выполняет ту же функцию, что и шапка-невидимка в сказке *«Вещий сон»*: с помощью гражданской одежды царь мог путешествовать по своей державе и оставаться неузнанным. С помощью же шапки-невидимки Иван три раза смог обхитрить Елену Прекрасную: следил за ней и сумел остаться незамеченным благодаря этой шапке, и тем самым добился своей цели. Отметим, что в то же время мы видим использование данного предмета-помощника и в русских авторских сказках: *«Руслан и Людмила»* А.С. Пушкина, *«Сказка об Иване Царевиче»* В.А. Жуковского.

Следует обратить внимание и на такой предмет, как зернышко. В сказках казаков-некрасовцев оно выступает в роли предмета-помощника (*«Олень златорогий и рыбак»*): *«Посадил парень третье зернышко. За ночь оно проросло, пустило стебель, а стебель вырос до неба. Ваня полез по стеблю. Лез, лез и взлез на небо. Влез и пошел по небу. Шел, шел и видит – большой сад. Зашел в сад, а в том саду его дети играют»* [2, с. 96]. Так, с помощью зернышка Иван нашел и спас свою семью. В русской устной народной сказке *«Бобовое зернышко»* зернышко является вредителем (петушок из-за зернышка подавился и чуть не умер). Таким образом, можно говорить о том, что в сказках казаков-некрасовцев и в русских народных сказках зернышко выполняет разные функции. В первом случае зернышко является волшебным предметом, а во втором – просто плод, семя любой зерновой культуры.

Также отметим, что и в сказках казаков-некрасовцев, и в русских народных сказках есть живая вода, обладающая целебными свойствами. Приведем пример из текста: *«Приехал отец домонь, брызнул живой водой на мертвую дочь. Она встала»* [2, с. 138] и *«Спрыснул Ивана-царевича мертвою водою – его тело срослось, sprыснул живою водою Иван-царевич встал»* [1, с. 123]. Однако из приведенных выше примеров видно, что, кроме сходства, есть и некоторое различие, это проявляется в том, что *«Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке»* живая и мертвая вода дополняют друг друга: и живая, и мертвая вода выступают в роли помощников, а в сказке *«Наливное яблочко – золотое блюдечко»* только живая вода является помощником героя сказки.

Итак, можно говорить о том, что и в сказках казаков-некрасовцев, и в русских народных сказках у героев есть предметы-помощники, которые могут:

- быть одним и тем же предметом и выполнять одинаковую функцию;
- быть одним и тем же предметом, но выполнять различные функции;
- быть разными предметами, но выполнять одну и ту же или схожую функцию.

Таким образом, предметы-помощники представляются в виде предметов, которые обладают волшебной силой, благодаря которым главный герой достигает своей цели, а именно: побеждает плохих волшебников, чародеев, злых существ, спасает жизнь любимой (реже любимому) и т.д. Без предметов-помощников герой оказывается бессильным перед силами зла. Но также следует заметить, что волшебные предметы в сказках могут не только помогать, но и принести вред: все зависит от того, кому принадлежит или у кого в руках находится волшебный предмет.

Библиографический список

1. Народные русские сказки // Сбор. Афанасьева А.Н. – М., 1991.
2. Тумилевич Ф.В. Русские народные сказки и предания казаков-некрасовцев – Ростов-н/Дону, 1958.

УДК 800

ДИАЛОГОВЫЕ ИСТОКИ ЯЗЫКА И АНТИ-ЯЗЫКОВЫЕ ИСТОКИ ДИАЛОГА

Костецкий Виктор Валентинович

Санкт-Петербургская государственная консерватория им.Н.А. Римского-Корсакова

DIALOG ORIGINS OF THE LANGUAGE AND ANTI-LINGUISTIC ORIGINS OF THE DIALOGUE

Kostetskiy Victor Valentinovich

St. Petersburg State Conservatory by N.A. Rimsky-Korsakov

Аннотация

В статье язык трактуется как средний термин в отношениях диалог-язык, язык-речь. Причем диалог определяется через субъектность вещей.

Ключевые слова: диалог, язык, мистическая жестикуляция, взгляд, значение, субъектность, очевидец, дух, акцентуация

Abstract

In the article the language is treated as a middle term according to the dialogue-language, the language-speech relations. And the dialogue is determined through the subjectivity of the things.

Keywords: dialogue, language, mystical gestures, view, value, subjectivity, witness, spirit, accentuation

Давно существует ряд философских вопросов довольно однообразного типа о том, сводится ли, например, музыка к музыке, или, напротив, за музыкой всегда маячит некая другая, внемузыкальная реальность. Точно так же можно задаться вопросами, сводится ли математика к математике или искусство к искусству. Теоретически заманчиво свести математику к математике, искусство к искусству, музыку к музыке, а язык к языку. Однако, в конечном счете всегда оказывается, что за математикой маячит некая физика, за искусством – роскошь элит, за музыкой – трепет жизненных ситуаций. Язык тоже не исключение. Но вот вопрос: что маячит за языком? Существует банальный и, казалось бы, очевидный ответ: общество, общение, коммуникация, мышление, сознание, личность. Стандартная проблема, возникающая при таком ответе, сводится к тому, что сам вопрос переформулируется с точностью до наоборот: не маячит ли язык за обществом, общением, коммуникацией, мышлением, сознанием, личностью? Для того, чтобы не ходить по кругу и выйти за пределы обнаруженной антиномии, необходимо за языком искать другой трансцендентный «маячок», другой фон языка, другую его субстанцию. Именно с этой целью обратимся к тому, что скрывается под всем известным словом «диалог».

В привычном словоупотреблении диалог рассматривается в пределах речи, речевого общения. Таковы литературные диалоги. В лингвистическом плане диалог относится не только к речи, но и к языку с его оппозициями. Системность языка и взаимообусловленность всех его элементов позволяют увидеть в языке те же качества «диалогичности», которые присутствуют в литературных диалогах. Однако, подобное употребление слова «диалог» чрезмерно расширяет его значение. При расширенном значении слова «диалог» можно говорить, например, о диалоге органов тела в рамках физиологии организма или о диалоге элементарных частиц в рамках ядерных взаимодействий. Точно так же можно говорить о диалоге культур или диалогичности учебного процесса. В таком случае диалог покидает значение термина и приобретает статус метафоры, вполне, кстати, уместной и методологически плодотворной. Для целей нашего исследования возникает необходимость

вывести диалог из-под власти метафоры и вернуть ему статус научного термина, причем независимо от его литературного происхождения.

Начнем с анализа следующей ситуации. На конкурсе молодых исполнителей Г.Г.Нейгауз, профессор московской консерватории, сделал замечание: «В Вашей музыке слышится Я играю Шопена. А надо, чтобы слышалось я играю ШОПЕНА». Прав ли профессор Нейгауз? Для конкурса, безусловно, прав. Но в других ситуациях акцентуация может быть иной. Если я играю для родителей, но им не важно, кому принадлежит музыкальное сочинение, важно, что играет именно их сын. Точно так же акцент может пасть на слово «играю», если музицирование производится ради определения качества звука музыкального инструмента. Вполне возможна и такая ситуация, когда все три акцентуации будут иметь одинаково важное значение и демонстрироваться по мере востребованности (например, в рамках авторского вечера). В последнем случае как раз и будет представлена ситуация диалога различных акцентуаций. Для диалога в его терминологическом значении необходимо соблюдение двух условий. Во-первых, истина должна быть разделенной между равноправными субъектами. Во-вторых, акцентуация должна иметь блуждающий характер между равноправными субъектами. Диалог и есть блуждающая акцентуация между равноправными субъектами в условиях разделенной между ними истины.

В данном определении термина «диалог» особого уточнения требует понятие «субъектности». В диалоге субъектом является совсем не обязательно человек как существо мыслящее и общительное. Соответственно, и то, что философы называют «истиной», не будет характеристикой или оценкой собственно человеческих знаний. Сказанное можно пояснить таким примером: в общении охотника со своей собакой истинное знание разделено между охотником и собакой как между равноправными субъектами (собака об опасности охотнику может знать больше самого охотника). Собака не может сказать, но и её телодвижения тоже не являются «языком жестов». Диалог осуществляется по совокупности особенностей поведения, по совокупности усилий к пониманию. Конечно, наличие того или иного языка с системой условных знаков облегчило бы понимание, но отсутствие языка не является непреодолимым препятствием для понимания. Понимание гарантировано наличием субъектов с разделенной между ними истиной. Истина в данном случае относится не к субъектам диалога, не к знанию как таковому, а к самому факту взаимопонимания относительно ситуации. Факт же состоит в том, что субъекты, переглянувшись друг с другом, способны убедиться в однозначном понимании ситуации.

Для диалога участие человека среди его субъектов вообще не является обязательным. Так, например, собака-пастух и стадо овец не нуждаются в языке, хотя диалог ведется непрерывно благодаря взглядам, видению друг друга. Сам по себе взгляд – длительный, пронизательный – всегда есть диалог видящего и видимого. Взгляд вовсе не требует глаз, хотя благодаря глазам видение упрощается. Мы говорим: «надо изменить взгляд на вещи», – но речь не идет о смене глаз. Во сне мы видим, но не глазами. Видение – феномен диалога в его равносубъектном понимании. Видение предполагает умение перестать быть самим собою, умение передавать часть своей субъектности видимому, после чего и начинается «разглядывание» (то есть диалог). Видимое, в свою очередь, может передать часть своей субъектности еще чему-либо, что будет замечено человеком в той мере, в какой можно говорить о его «талантливости». Вещи сами говорят с человеком, сами передают слово другим вещам, но это не речь, не язык, но диалог. Само слово «диалог» означает разделенный логос, который возможно собрать воедино. Важно правильно понимать, собственно, между чем и чем разделен логос, и это правильное понимание предполагает разделение логоса между познающим и познаваемым, между видящим и видимым, даже если из этой системы отношений исключен человек.

Лингвисты 19-го века стали четко различать язык и речь. В веке 20-м это разделение было поддержано и стало едва ли не очевидным. Между тем, языковую реальность надо делить не дихотомически, поскольку язык в его лингвистическом понимании представляет собой «средний термин» между диалогом и речью. Язык «направлен на» (интенция) речь, а

диалог (в его выше обозначенном определении) направлен на язык. Язык, не направленный на выражение, высказывание, мысль, но направленный сам на себя, абсурден. Речевая интенция языка является для него обязательной. Иначе складывается ситуация с интенциональностью диалога. Для диалога существование языка является явно факультативным. Для диалога не имеет значение, какую форму приобретет язык: будет ли это звук или цвет, голос или телодвижение. Граница между диалогом и языком проходит не через органы чувств, а через ту оппозицию, которую О.Шпенглер определил через противопоставление «физиогномики» и «систематики»: диалог предполагает наличие своего лица у любого «бытия» (и, соответственно, возможности его разглядывания в целях понимания), в то время как язык требует систематики. В отличие от языка, диалог не имеет жесткой системы, он не императивен. Лицо можно разглядывать с любой части и в любом порядке, тем не менее, в диалоге есть своя логика – восстановление истины в рамках её межсубъектной разделенности.

Ф. де Соссюр определял язык, отталкиваясь от речи как явления, существующего во времени. По Соссюру, язык «синхроничен», а речь «диахронична». Синхроничность действительно важное качество языковой реальности, однако одновременность, строго говоря, характерна вовсе не для языка, а для диалога в качестве межсубъектного поиска распределенной между ними истины. Диалог, если это действительно диалог, всегда идет к своему концу, в момент которого истина восстанавливается из своей межсубъектной распределенности и возникает эффект «видения». Нельзя увидеть картину, разглядывая её от точки к точке, по кусочкам или, тем более, заостря внимание на «системе отношений» каждого кусочка к каждому. Увидеть картину картиной, а не системой условных знаков со своей системой отношений, значит одновременно задать 1000 вопросов типа «что это» и мгновенно получить на них 1000 ответов. Видение – это не дискурс, а мультипликация. Проявленность в языке мультипликативности диалога создает для лингвистов видимость «синхронии языка». Однако язык в любой своей части именно линейен (образует ряды), хотя линия и принимает чаще всего вид таблицы. В рамках линейно-табличного существования языка возможен «эффект домино» (падеж одной частицы приводит к последовательному падежу всего ряда), который сам по себе осуществляется отнюдь не одновременно, то есть без придуманной «синхронии». Одновременность не характеризует язык, а лишь просвечивает в нем, будучи производной от мультиплицированности диалога (взгляда).

Диалог, это совсем не язык, но взгляд, видение, рассмотрение, разглядывание, всматривание. Понятие «всматривание» Р.Декарт закрепил термином «интуиция», что вполне соответствует диалогу в его равносубъектном понимании. Принцип равносубъектности диалога в онтологическом плане означает, что вещи видят друг друга, так что отношения между вещами недопустимо сводить к некоему «взаимодействию» объектов. Во взаимодействии вещей есть моменты не только объектных отношений, но и моменты субъектных отношений, которые современная наука до сих пор не научилась отслеживать. Так, например, Солнце не только объект наблюдений астрофизиков, но и некий субъект в отношении к Земле, реагирующий на выражение её физиономии. Соответственно, Земля не скрывает своего лица от Солнца, так что в конечном счете диалог астральных тел переходит в физическое взаимодействие. Физика уже есть язык с соответствующей императивностью, что выражается наличием «законов природы» и математическим оформлением. Физика языка природы, конечно, не отменяет метафизики диалога.

Существование субъектности вещей позволяет объяснить понятие «эволюции» в природе, то есть странное падение энтропии в процессах эволюции. Субъектность есть противопоставление себя всему остальному миру по принципу «аристэ»: я – лучшее. В самости заложен принцип априорно «превосходной степени», причем без уточнения, в чем именно эта превосходная степень будет обнаружена или реализована. Приведу курьёзный пример: на кафедре одна некрасивая женщина заявила, что у неё самые красивые коленки. Все посмотрели на её коленки и согласились с новым для себя открытием. Сотрудница идентифицировала свою самость (Я) с коленками, чем и достигалась некая

равносубъектность общения. «Принцип аристэ» приводит эволюцию природы в то состояние, которое поэты называют словом прекрасное: «очей очарование». Субъектность вещей в отношении друг другу представляет собой двуединый процесс: с одной стороны, часть субъектности видящего делегируется видимому; с другой стороны, субъектность возвращается себе по принципу «я – лучшее». В результате возникает ситуация подобная той, что описывается в китайской поэзии:

«Я смотрю на горы, горы смотрят на меня.

И нам это не надоедает».

В онтологическом плане, можно сказать, вещи смотрят друг на друга, и им это не надоедает, – такова онтология мира. Не верно представлять себе, будто все вещи взаимодействуют друг с другом по принципу «все – во всем», но верным будет учет того, что вещи видят друг друга и держат друг друга в поле зрения. Более того, в этом «поле зрения» вещи следят за тем, чтобы сохранять свою субъектность и порой навязывать её другим. Речь в данном случае не идет о некоем психологизме или антропоморфизме; речь идет о следствиях, извлекаемых из принципа субъектности вещей и феномена «взгляда», «видения». Антропоморфизм, перенос качеств человека на окружающий мир, есть следствие антропоцентризма: дескать, только человек «знает», «видит», «сознает». Термины «знание», «сознание» принято относить только к человеку, – и с этим можно согласиться. Но термин «видение» уже нельзя ограничить рамками человека, а, между тем, понятия «видеть» и «знать» пересекаются. Фраза «я вижу, в чем дело» означает прозрение именно с точки зрения знания и понимания.

В любом акте речевой деятельности есть три момента: речь-язык-диалог, – причем в разных пропорциях. Если взять, например, экспрессивную фразеологию (выражения «матерного языка»), то в ней мало вербального языка, мало интонации (языка жестов), но много диалога (человека с вещью, вещей с вещами). В матерном языке ключевые слова (мат) полностью теряют предметные значения; они лишь контролируют визуализацию диалога, в котором на равных субъектных условиях фигурируют люди, вещи, процессы, эмоции. Не случайно слово в условиях экспрессивной фразеологии не имеет своего предметного значения, поскольку в сфере «диалогости» оно означает набор характерных ситуаций, символизированных одним предметом. Например, слово «волк» в языке означает отдельный предмет (животное), но в рамках диалогости значение не предметное. Для диалога значением будет весь арсенал возможных историй, в которых фигурирует «волк»: от «серого волка» в сказках до охотничьих рассказов и зоологических классификаций. «Волк» в диалоговой части речевого акта представляет собой, собственно говоря, название романа, файл, индекс библиотечного каталога. По отношению к содержанию такого файла и слово «волк», и сам указанный зверь в природе представляют собой в равной мере «знаки» для обозначения «файла». Символизм животных в ранних формах религии как раз и основан на диалоговых значениях слов, а не языковых (что имеет место в литературных «баснях»).

Диалог по отношению к любому «языку» (вербальному, музыкальному, хореографическому, телесному, технологичному) будет выступать в роли «субстанции»; соответственно, все «языки» будут акциденциями диалога как такового. В субстанции диалога всегда есть фаза знакомства по типу «азм есмь», при которой заявляется субъектность вещей. Г.В.Ф.Гегель в своей «Науке логики» обозначил эту фазу словом «бытие» и уточнил при помощи триады «бытие-небытие-становление». Другая триада: «бытие-в-себе», «бытие-для-другого», «бытие-для-себя», – намечает траекторию «знакомства». Субъектность вещей Гегель выражает отдельным термином «дух», что позволяет говорить о духе города, духе музыки, духе капитализма, духе школы, духе семьи. В послегегелевской философии, как известно, подобные обороты речи вошли в философскую практику, правда, на правах полу-метафоры. Например, «дух школы» в педагогической философии Л.Н.Толстого обозначает, с одной стороны, реального «воспитателя», но, с другой стороны, сводится к «системе отношений» по типу «учитель – ученик», «семья – школа», то есть понятие «духа» формируется не на пути признания

субъектности Школы, а на пути обобщения разного рода «отношений». Аналогичная ситуация анонимно складывается, например, с интерпретацией понятия «воинский дух». Субъектное понимание «воинского духа» идет в направлении «духа войны» как позитивного феномена для воинского подразделения (подобная аксиология явно прослеживается в «Науке побеждать» А.В.Суворова); иное понимание складывается при разложении «воинского духа» на дисциплину, материальное обеспечение и пр. В диалоге война теряет социально-негативное значение и приобретает значение важнейшего момента бытия, что прекрасно отражено в высказываниях Гераклита. Современники называли Гераклита «Темным», и причину этого можно усмотреть как раз в том, что Гераклит реагировал на субъектность вещей и мыслил в диалоге, а не в языке. Соответственно, тексты Гераклита приобрели характер «диалектики», но мышление в диалоге и не может быть другим.

Возможно, впервые четкое различие диалога и языка проведено в философии Аристотеля. У Аристотеля форма суждения не совпадает с формой предложения, причем намеренно. «Сократ есть человек», – в данном случае форма суждения совпадает с формой предложения. Но Аристотель никогда не строит суждение таким образом. Аристотель всегда строит суждение иначе: «Человек – сказывается о Сократе». В первом случае Сократ (субъект) втискивается в ряд «человеков» (предикат), то есть субъект растворяется в предикате, причем императивно (при помощи связки «есть»). Во втором случае, то есть у Аристотеля, предикат (человек) ставится на первое место в суждении, и вместо связки «есть» используется термин «сказывается». При такой конструкции суждения субъектность не растворяется в ряду подобных, не умаляется, а, напротив, прирастает частным предикатом. О Сократе сказывается, что он человек, но о нем еще много чего может сказываться. Таким образом, не Сократ оказывается одним из немногих среди ряда людей, но, напротив, в отношении Сократа возможны ряды предикатов. Термин «сказывается» в логике Аристотеля (не путать с «формальной логикой» более позднего времени) имеет крайне специфическое значение. Дело в том, что на вопрос «Кем сказывается?» ответ не возможен. У Аристотеля «сказывается» не предполагает языка, это чисто диалоговая конструкция. «Человек – сказывается о Сократе» самим обликом Сократа, положением Сократа в обществе, самим отношением к Сократу любого наблюдателя-созерцателя. Сократ сам, своим поведением говорит всем, что он человек. В аристотелевской форме суждения субъект поставлен в ситуацию говорящего объекта, – что как раз характерно для диалога. Как известно, стоики поменяли местами в суждении субъект и предикат, тем самым совместив логику («аналитику» в терминологии Аристотеля) с языком. Логические идеи Аристотеля формировались по двум направлениям: и в диалоге, и в языке, – что в корне запутало все перипатетические школы поздней античности и средневековья. Теорию определения понятия («через род и видовое отличие») Аристотель строил целиком на языковом материале, что возмущало впоследствии Гегеля. Если взять учение о категориях, то оно построено целиком на мышлении-в-диалоге. Категории (слово, придуманное Аристотелем) означали траектории диалога, которые предопределяли собой и организацию языка. Категории в философии Аристотеля функционируют как диалог между вещами помимо человека, так что то, что «сказывается» о вещах, есть ни что иное, как фрагменты их, вещей, диалога между собой. Подобное понимание было не чуждым стоикам, которые в слово «логос» вкладывали смысл знания, но знания нечеловеческого. Еще одной диалоговой, а не языковой, конструкцией в философии Аристотеля явилось придуманное им слово «энтелехия» («эн-телос-хиа» – в цель несущееся). Энтелехию вещей надо видеть («умозрительно»), став вещь среди вещей. Вещи не стоят на месте, они несутся с бешеной скоростью. Куда, в каком пространстве? – В пространстве диалога друг с другом, и несутся к себе, к собственной субъектности. Психею вещей (душу) Аристотель определял через энтелехию тела. Платоновское понятие «идеи» не удовлетворяло Аристотеля своей объектностью, не выраженностью субъекта; напротив, понятие энтелехии было максимальным выражением субъектности любой вещи – вплоть до её одушевления.

Аристотелевское различие диалога и языка наиболее ярко проявилось в творчестве Г.В.Ф.Гегеля. Гегель сознательно и целенаправленно вывел логику за пределы языка. Логика, по мысли Гегеля, может быть совмещена с языком, но может быть и не совмещена с ним. Логика-в-языке есть частный вид логики как таковой. Логика может быть и в танце, и в музыке, и в любви, и в истории. Но если говорить о науке логики, то её надо представлять вне её опредмечивания в разного рода «сигнальных системах», то есть в качестве логики духа («логики энтелехий»). Логика духа излагается, естественно, языком, но она требует визионерства. Не случайно Гегель называл свой метод исследования и изложения логики «спекулятивным». Надо быть человеком и говорить языком, но быть при этом вещью среди познаваемых вещей, причем не себя опускать до объекта, а, напротив, видеть в познаваемых вещах равноправных себе субъектов. Для Гегеля спекулятивный метод познания основан на особой степени образованности, выше не только среднего образования, но и «высшего». Спекулятивное мышление не абстрактно (абстрактно как раз языковое мышление), и не просто конкретно, а конкретно особенным образом. Особенность конкретности спекулятивного метода состоит в том, что познающий приобщается к истине не в качестве некоего исследователя, а в качестве свидетеля. Истина есть картина, которая возникает перед взором после длительного присутствия. Истина, собственно, в словах не выражается. Слова лишь выводят на уровень визионерства, причем благодаря тому, что в словах (фразах) есть момент диалоговости.

В больших городах диалоговость речи стирается, и по мере истирания возникает особая городская интонация, которая работает на «дух города». Напротив, в деревнях диалоговая часть речи всегда поддерживается на высоком уровне, что проявляется в особых говорах. Говоры, если использовать гегелевскую терминологию, всегда «спекулятивны», в них есть конкретность картины, визионерства. Подобный момент в городах наблюдается, например, у подчиненных при произношении имени-фамилии начальника. Даже вещи начальника (кресло, стол, машина, шляпа) приобретают в восприятии подчиненных спекулятивное значение: они смотрят на людей глазами начальника в отсутствие самого начальника. В данном случае можно говорить об особом значении вещей, спекулятивном. Спекулятивное значение имеет универсальный характер, им обладает каждая вещь. Спекулятивные значения вещей провоцируют диалог вещей между собой.

В детском возрасте личная субъектность не заслоняет собой субъектности вещей. Для ребенка на момент погружения в родной язык все части языка находятся в состоянии диалога, «разговаривают» друг с другом, будучи разделенными падежами, родами, склонениями, временами, местом слов в предложении. Полная картина диалога и есть «язык», то есть мультипликация всех диалогов в нечто единое («ген»), регистрируемое лингвистами в качестве «порождающей грамматики». Эффект «порождающей грамматики» – это эффект не читателя, но очевидца: ясно все, с какого конца не начини расспросы. Причем, ясность определяется не пониманием, а самим фактом присутствия «очевидца». Знать родной язык, значит быть очевидцем тех диалогов, которые предшествовали языку на момент его формирования в отдельно взятом индивиду.

УДК 811.161.1

СПЕЦИФИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В НОВОСТНЫХ ТЕКСТАХ

Антамошкина Зинаида Семеновна

МБОУ Алексеевская средняя школа, Волгоградская область

antamoshkina-zinaida@rambler.ru

SPECIFICS OF SYNTACTIC CONSTRUCTION IN NETNEWS TEXTS

Antamoshkina Zinaida Semenovna

Alekseevskaya secondary school, Volgograd region

Аннотация

Публицистический стиль является одним из наиболее важных компонентов социального бытия человека, средством духовного и интеллектуального воздействия, мощным каналом распространения идей. Для него характерны логичность, образность, эмоциональность, оценочность, призывность и соответствующие им языковые средства. В публицистическом стиле широко используются разнообразные виды синтаксических конструкций и общественно-политическая лексика. Трудность описания газетно-публицистического стиля, система его употребления напрямую связаны со сложностями сбора анализируемого материала. Использование различных синтаксических конструкций в новостных текстах придает речи силу и убедительность, красочность и образность. Крылатое слово, используемое в синтаксических конструкциях, оживляет язык, делает его более эмоциональным. Такие языковые единицы представляют явления, связи и отношения между ними в простой и яркой, образной форме. В большинстве своем они имеют тот или иной переносный смысл, не вытекающий непосредственно из суммы значений их компонентов, способны воздействовать на наши чувства, вызывать разнообразные эмоции.

Объектом исследования в настоящей работе являются синтаксические конструкции в новостных текстах. Цель работы состоит в выявлении специфики функционирования синтаксических конструкций в текстах газетной публицистики. Основная цель предопределила постановку и решение следующих задач: классификация синтаксических единиц в анализируемом материале; анализ специфики синтаксических конструкций в исследуемом материале и закономерности использования синтаксических конструкций в текстах газетной публицистики.

Основные методы работы – описательный и сравнительный, также были использованы элементы контекстуального анализа. Материалом исследования послужили газетные тексты, из которых методом сплошной выборки были выявлены и проанализированы около 200 случаев употребления различных синтаксических конструкций. Для этого были привлечены такие газеты, как «Аргументы и факты», «Вечерний Волгоград», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Моя семья» и другие за 2010 – 2015 годы.

Теоретическая значимость состоит в том, что были исследованы синтаксические единицы с точки зрения их значения, структуры, состава, функционально-семантических особенностей. Кроме того, было дано описание газетно-публицистического стиля, выявлены его специфические черты, задачи, основные функции. Практическая значимость заключается в том, что материал данного исследования может быть использован для проведения спецкурсов по общему синтаксису.

Ключевые слова: синтаксические конструкции, языковые единицы, публицистика.

Abstract

Journalistic style is one of the most important components of human social life, a means of spiritual and intellectual influence, a powerful channel for the dissemination of ideas. It is characterized by consistency, imagery, emotion, appraisal, invocatory and the corresponding linguistic resources. The journalistic style are widely used various types of syntactic structures and socio-political lexicon. The difficulty of describing newspaper and journalistic style, his use of the system is directly related to the difficulties of collecting the material analyzed. The use of different syntax in the news texts gives the strength and persuasiveness of speech, colorful and imaginative. Winged word used in syntactic structures revives the language makes it more emotional. Such linguistic units to represent the phenomenon of communication and the relationship between them in a simple and bright, figurative form. Most of them have one or the other figurative sense, it does not follow directly from the sum of the values of the components can affect our feelings, cause a variety of emotions.

The object of study in this paper are the syntax in news texts. The purpose of the work is to identify the specifics of the operation of syntactic constructions in the texts of newspaper journalism. The main objective of predetermined formulation and solution of the following tasks: classification of syntactic units in the analyzed material; analysis of specific syntactic structures in the material and patterns of use of syntactic constructions in the texts of newspaper journalism.

The main methods of work - descriptive and comparative, were also used elements of contextual analysis. The material of the study is based on newspaper texts, of which the method of continuous sampling have been identified and analyzed about 200 cases of the use of different syntax. For this purpose were brought newspapers such as "Arguments and Facts", "Evening Volgograd", "Komsomolskaya Pravda", "Moskovsky Komsomolets", "My Family" and others for the 2010 - 2015 years.

The theoretical significance is that syntactic units were investigated in terms of their values, structure, composition, functional features and semantic. In addition, it describes the newspaper and journalistic style, revealed its specific features, objectives, core functions. The practical significance lies in the fact that the material of this study can be used for special courses for the general syntax.

Keywords: syntax, language units, journalism.

Публицистический стиль широко представлен на страницах газет и журналов, в материалах радио-, кино- и теле журналистики, в публичных лекциях и ораторских выступлениях. Он выполняет функции воздействия и сообщения, т.е. журналист сообщает о каких-либо фактах, событиях, предметах окружающей действительности и дает им оценку. По словам Васильевой, «писать публицистично – значит писать страстно, заинтересованно, непременно наступательно, на тему, имеющую крупное общественное значение, и непременно глубоко, не просто со знанием дела, а с исследованием и даже может быть со своим собственным открытием» [1, с.139]. К настоящему времени в изучении специфики синтаксических конструкций публицистического стиля накоплен богатый опыт, отраженный в обширной литературе. Но до сих пор нет достаточно полного системного описания данного языкового явления, хотя в последние годы изучение газетно-публицистической речи сделало большой шаг вперед благодаря исследованиям Бельчикова Ю., Беневальской Т.А., Вакурова В., Костомарова В.Г., Солганика Г.Я., Чернышева В.П. и др.

Недостаточная изученность подобных вопросов и определила актуальность этой работы. Объектом исследования в настоящей работе являются синтаксические конструкции в новостных текстах. Предметом стали особенности и специфика синтаксических конструкций в новостных текстах.

Основной функцией газеты является *информационная*. Однако эта исторически изначальная функция газет стала оттесняться *воздействующей*. «Нередко выделяют несколько функций газеты: информационную, просветительскую, воспитательную,

организаторскую. Но основной ее функцией является воздействующе-информационная...» [2, с. 184].

Средства, придающие тексту выразительность, многообразны. Выбор и способы применения их зависят от цели высказывания, и от его содержания. В настоящее время в большинстве своем читатель обладает достаточно высоким уровнем образования и культуры. И стилистическое мастерство пишущего должно быть иным, чтобы выбрать те языковые приемы, которые будут наиболее эффективны в данной ситуации. «Язык газеты должен быть коммуникативно общезначимым, т.е. ясным, точным, кратким и выразительным» » [3, с. 12].

Специфика газетной речи заключается в особой и намеренной ее выразительности, экспрессивности высказывания. Большие возможности для достижения данной цели дает использование различных синтаксических конструкций в газетных текстах. Чем изобретательнее журналист в привлечении и построении различных сложных синтаксических конструкций, тем ярче его материал, эффектнее воздействие на читателей. В речевом потоке выделяются такие основные синтаксические единицы, как словосочетание и предложение, а также сложное синтаксическое целое, связанное между собой по смыслу и структурно. Разные виды простых предложений выполняют различные стилистические функции. Так, односоставные определенно-личные придают высказываниям живость и легкость звучания, подчеркивая динамизм изложения материала, делают рассуждение более точным и ясным, это дает возможность использовать их в различных стилях высказывания: *Упрямся. Выстоим.* («Красная звезда», № 6 от 18 февраля 2015). Неопределенно-личные позволяют сосредоточить внимание читающих на действиях, а не на действующее лицо, которое мыслится неопределенно. *На Россию никто не осмелится напасть: у нас есть система, гарантирующая нанесение ответного ядерного удара. В Америке ее называют «Мертвая рука»* («Красная звезда», № 6 от 18 февраля 2015).

Обобщенно-личное позволяет подчеркнуть часто повторяющееся действие без акцента, кто совершает это действие. Безличное односоставное предложение будет придавать высказыванию некий оттенок пассивности, отсутствия проявления воли действующих лиц. Чаще всего безличные предложения используются при изображении явлений природы или стихийных явлений: *Не надо нарываться на такой удар* » («Красная звезда», № 6 от 18 февраля 2015). Неполные предложения придают высказываниям определенную легкость и живость. Номинативные или назывные односоставные предложения содержат лишь указание на наличие тех или иных предметов или явлений, носят чисто описательный характер и отличаются большой смысловой емкостью, картинностью, выразительностью и наглядностью: *Убийственное наваждение* («АИФ», № 8 от 24 февраля 2015).

В новостных текстах чаще используются простые распространенные предложение, иногда осложненные обособленными обстоятельствами или определениями, выраженными деепричастными или причастными оборотами. Могут присутствовать предложения с обособленными уточняющими обстоятельствами места и времени, обособленные приложения. Кроме этого используются предложения с различными вставными конструкциями: *ВолГУ включен в категорию ВВ+, что согласно критериям рейтинга, означает хорошее качество преподавания, научной деятельности, востребованности выпускников на рынке труда* («АИФ», № 8 от 24 февраля 2015).

Сложные предложения с разными видами связи, а также сложноподчиненные с однородным или неоднородным соподчинением придаточных используются также в полной мере. И бессоюзные сложные конструкции можно обнаружить в газетных текстах новостного плана, и сложносочиненные предложения: *Мы пережили ужасные 90-е, но полностью одолеть синдром разрушения основ традиций так и не смогли* («АИФ», № 8 от 24 февраля 2015).

Воздействующая функция требует также такой синтаксической структуры текста, в которой широко используются конструкции экспрессивного синтаксиса: восклицательные предложения по интонационной окраске, парцелированные конструкции,

присоединительные конструкции, риторические вопросы, эллиптические конструкции, различные стилистические фигуры – анафора, эпифора, градация, многосоюзие, синтаксический параллелизм, инверсия и другие средства выразительности.

На синтаксическом уровне тенденция к обобщенности находит свое проявление. В синтаксисе публицистики ощутимо проявляется стремление к типизации синтаксических форм для выражения сходного содержания. Значительный интерес представляют в этом плане конструкции с производными предлогами: *несмотря на*, *по причине*, *в честь*, *вследствие чего-либо*, *при содействии*, *в результате*, *в целях борьбы*, *при условии соблюдения*, *при помощи*, *на уровне*, *вопреки сообщениям*, *в силу*, *относительно*, *благодаря кому-либо*, *согласно* и т.д. Подобные конструкции служат средством структурно-смыслового усложнения, в которых содержание выступает синтаксически оформленным, что позволяет легко и быстро составить сообщение: *Согласно статистике, больше половины молодых пенсионеров продолжают работать* («АИФ», № 8 от 24 февраля 2015).

В последнее десятилетие идет активный процесс системного изучения русского общего синтаксиса в самых разнообразных аспектах – семантическом, морфологическом, синтаксическом. Отмечается особый интерес к вопросам формирования сложных синтаксических конструкций. Развитию и описанию синтаксического строя русского литературного языка посвящено немало трудов. Во многих из них указывается на отмирание старых и рождение новых форм грамматической связи. Рассматривается состояние и изменение синтаксических норм языка. Большой вклад в теорию русского общего синтаксиса сделал академик А.А. Шахматов. Устойчивые словосочетания, имеющие целостное значение, Щерба считал сложными словами, образованными путем синтаксического словосложения. Словообразование, по мнению ученого, принимает форму так называемого словосложения во всех тех случаях, когда оба элемента отождествляются со словами, обозначающими самостоятельные предметы мысли, и не вполне утратили свое индивидуально значение.

Результаты нашего исследования показали, что в средствах массовой информации часто можно увидеть обособленные и необособленные обстоятельства и дополнения, выраженные в синтаксических конструкциях существительными с предлогами, это помогает выразить мысли четко, ясно и понятно, например: *Ввиду плохой погоды экскурсия не может состояться*.

Если же говорить о синонимичных возможностях в использовании грамматических средств языка, следует особо подчеркнуть значение глагольных форм «Движение и его выражение – глагол – является основой языка», – писал А.Н.Толстой. Необособленные обороты способствуют передаче быстроты и напряженности действия, а обособленные обороты, наоборот, делают повествование более плавным и замедленным. Обособленные приложения, выраженные существительными, делают речь развернутой, неторопливой, в отличие от необособленных приложений. Те усиливают динамику речи. В том случае, если обособленное приложение стоит перед определяемым словом речи придается определенная торжественность, патетическое звучание: *Великой Отчизны свободные дети сегодня мы гордую песню поем*.

Как показало наше исследование, при изучении газетного материала необходимо учитывать характер состава и несвободных словосочетаний, и метафор, входящих в синтаксические конструкции и делающих речь более экспрессивной и выразительной. В этом отношении все сочетания слов можно условно разделить на две большие группы. Первую группу составляют единицы, которые образованы из слов свободного употребления и принадлежат к активной лексике современного русского языка, например: *Магистраль добрых дел – о срочном ремонте школы прямо посреди учебного года* («Комсомольская Правда», 2014, № 142). *Вашингтон готовится воевать против Москвы и Пекина в шести стихиях – на море и на суше, в воздухе и космосе и даже интернет-пространстве и электромагнитном частотном спектре* («Аргументы недели», 2015, № 10). *Крымский бастион год спустя – море под колпаком – защитой берегов занимается ракетная бригада*,

переоснащению Черноморского флота уделяется особое внимание («Аргументы недели», 2015, № 10). Здесь нет ни одного слова, которое ни могло бы быть употреблено в составе свободных сочетаний слов. Правда, будучи образованы из слов широко известных, единицы данной группы не представляют собой единства в лексико-синтаксическом отношении:

1. **Курсы слушали главу государства** – т.е. торги открылись резким удорожанием рубля (Газета «Комсомольская Правда», 19.12.2014 года).

2. **Пищевая цепочка прервалась** – автор статьи рассуждает о том, что и кто не пускает продукты фермеров на наши столы («АИФ», 2015, № 8, С.1).

3. **У правительства всплыли стволы** – Министерство природы РФ обнаружило на дне многих наших рек несметные сокровища – сотни миллионов кубометров древесины («Аргументы недели», 2015, № 10).

Вторую группу составляют обороты, в которых имеются слова с закрепленным употреблением или устаревшие лексико-семантические факты, включающие слова диалектные и даже явные архаизмы и историзмы: **«Яблочники» выступили в едином строю с коммунистами и гневно заклеили бразды правления, которые, по их словам, непосильным бременем взваливают на плечи трудящихся 100% оплату коммунальных услуг** («КП», 21 марта, 2010. С.4).

Метафоры могут содержать в своем составе слова в свободном употреблении, а также семантические архаизмы, лексически они могут быть самого разнообразного характера, очень часто метафоры наблюдаются на страницах газет в виде заголовков и представляют собой односоставные назывные предложения:

1. **Кровь и вена** – автор статьи размышляет о том, почему Австрия, в отличие от своих соседей, благодарна советским солдатам («АИФ», 2015, № 8, С.1);

2. **Колодец-банкомат** – оказывается, власти уральского поселка Пильная стали выдавать воду по пластиковым же газетам («МК в Волгограде», 2014, № 36).

3. **Голубые киллеры** – эта статья в газете «МК в Волгограде», 2014, № 36 повествует о тех, кто погружен в виртуальную реальность и не замечает действительности, окружающей их.

Пресса – орудие воздействия на читателя, а также средство формирования общественного мнения. Журналисты и корреспонденты, высказывая своё отношение к тому или иному факту, приводя аргументы в подтверждение своей позиции, не редко используют метафоры, политики также в своей речи пользуются этим выразительным средством, что способствует часто их популярности в народе. Например, рейтинг В. Жириновского является достаточно высоким на протяжении длительного отрезка времени во многом из-за его умения выражать свои мысли образно, ярко, выразительно и эмоционально, прибегая к использованию речевых метафор. Богата метафорами и речь Г. Зюганова, да и многих других политиков в стране. Политическая метафора, используемая в синтаксических конструкциях, является мощным инструментом воздействия на аудиторию, это речевое воздействие с целью формирования у общества либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии).

Вспомним события конца 2014 года, в газетах появились заголовки **о нефтяной игле**, об этом же и вопрос от корреспондента А. Гамова, заданный Президенту РФ на пресс-конференции с Путиным, и фразы из ответа Владимира Владимировича Путина о том, что этот кризис поможет **слезть нам с нефтяной иглы**, т.е. необходимо перестраивать нашу экономику. В этом же номере газеты «Комсомольская правда» от 19 декабря 2014 года – Запад **хочет нашу шкуру на стену повесить** – слова Президента метафоричны, наполнены глубоким смыслом – необходимо структуру нашей экономики менять к лучшему.

Сфера выражения эмоций и эмоционального давления вносит как в быденную, так и в политическую речь элемент артистизма, а вместе с ним и метафоры в различных синтаксических конструкциях: 1. **Окно в мозг** – исследователи из разных стран доказывают, что в сетчатке глаз развиваются определенные характерные изменения при тех или иных заболеваниях и при помощи метода изучения этой сетчатки можно

диагностировать различные заболевания на ранней стадии болезни («АИФ», 2015, № 8). 2. **Шпаргалки на остановке** - в Волгограде на некоторых остановках появились путеводители, на картах отмечены музеи, памятники и другие объекты («АИФ», 2015, № 8). 3. **Синдром разрушения** – вопрос, который обсуждается на страницах газеты «АИФ», 2015, № 8 об отмене празднования 23 февраля, так как это, по мнению небольшого количества людей, всего лишь день рождения несуществующей армии давно не существующего государства. 4. **«Клевое место» ищет хозяина** – в Ростовской области база отдыха, самая популярная у всех местных рыбаков и охотников, выставлена на продажу, в выходные дни в летний сезон сюда попасть практически невозможно – все занято («Аргументы недели», 2015, № 10).

Политическая метафора в синтаксических конструкциях выполняет самые разнообразные функции. Номинативная функция политической метафоры нужна для фиксации знания в случаях, когда нет общепринятого краткого наименования. Коммуникативная - позволяет представлять новую информацию в краткой и доступной для адресата форме. Прагматическая функция - мощное средство формирования у читателя необходимого эмоционального состояния и мировосприятия. Сделать сообщение более образным и ярким помогает изобразительная функция. Мыслить, формировать собственные представления о мире помогает субъекту инструментальная функция политической метафоры. Гипотетическая, в свою очередь, позволяет создать некоторое предположение о сущности характеризуемого объекта. Моделирующая - создает некую модель мира, представляющую взаимосвязи между его элементами.

Необходимо всестороннее изучение такого мощного инструмента, каким является метафора, это даёт возможность журналисту грамотно и эффективно использовать политическую метафоризацию, имея в своём распоряжении чёткий и понятный механизм, при помощи которого формирование политической метафоры станет направленным и более действенным: **Генетические загогулины** – статья о том, кто мы и чем отличаемся от других стран и народов («АИФ», 2015 год, № 8) или **Зачем нам иллюзия дел** – об обращении к Президенту РФ о переименовании Волгограда в Сталинград («АИФ», 2015 год, № 8).

Основные свойства языка публицистического стиля речи непосредственно связаны с назначением, сущностью и функциями печати. Имея целью заинтересовать и убедить читателя в достоверности тех или иных фактов и событий, мнений и суждений, публицистика активизирует все ресурсы языка для воздействия на умы и чувства людей. Все средства языка, в том числе и политические метафоры в синтаксических конструкциях, служат в конечном счете задачам убеждения, позволяют открыть все новые и новые, поистине неисчерпаемые возможности употребления слов, возможности включения их в такие сочетания, в которых даже самые примелькавшиеся слова приобретают новый смысл: 1. **Милосердие с перспективой** – в канун новогодних праздников прошли утренники для детей и подростков в специализированных домах-интернатах («Грани культуры», 2012 года, № 23); 2. **«Летучий» голландец** – в феврале 2015 года в Волгограде в аэропорту задержали иностранного дебошира, из-за которого самолет совершил незапланированную посадку, житель Нидерландов был излишне агрессивен. («АИФ», 2015 год, № 8); 3. **Гастарбайтер от разведок** – и нашим, и вашим – так действуют двойные агенты в политике, об этом и поведал читателям полковник в отставке С.А. Антонов («Аргументы недели», 2015, № 10).

Метафоры и метонимия как самые выразительные языковые единицы представляют явления, связи и отношения между ними в простой и яркой форме и широко используются в синтаксических конструкциях газетного текста. В большинстве своем они имеют тот или иной переносный смысл, не вытекающий непосредственно из суммы значений их компонентов. В основе метафор чаще всего лежит сопоставление двух смысловых рядов – прямого и переносного: 1. **Стреляный воробышек** – так называет корреспондент газеты «Грани культуры» Зинаиду Гурову после премьеры моноспектакля «Эдит Пиаф» в театре одного актёра. («Грани культуры», 2012 года, № 23). 2. **Встреча на перекрестке культур** – автор статьи рассказывает об истории взаимоотношений Англии и России, вечер в

библиотеке и был посвящен Году российской культуры в Великобритании («Грани культуры», 2012 года, № 23).

Краткость, простота, лаконичность – большое стилистическое достоинство газеты, а метафоризация и фразеологизация в синтаксических конструкциях, на наш взгляд, как раз и выполняет эту функцию речи, делает ее краткой, сжатой, придает ей подчеркнуто энергичный тон, который выражает целеустремленность мысли автора. Пословицы, поговорки, крылатые слова, образные выражения всегда кратки по составу и объемны по содержанию. Метафоры и метонимия по-разному функционируют в синтаксических конструкциях газетных текстов: В последнее время излюбленным приемом у журналистов все чаще становится их преобразование:

1. *Нефтяные разводы в уголовном деле саратовского депутата Малышева – до суда дело добралось лишь со второй попытки* («Комсомольская Правда», 2014, № 142);

2. *Капитальный бунт – люди отказываются платить за ремонт неведомой организации «Региональный фонд капитального ремонта многоквартирных домов»*, («АИФ», 2015 год, № 8);

3. *Недовольство в шашечках – таксисты собираются выйти на протестный митинг в связи с недобросовестной конкуренцией среди перевозчиков*, («АИФ», 2015 год, № 8);

Слова, перемещенные в иное окружение, в другой контекст, получают новые смысловые оттенки. Но, как показал наш анализ, подвергаясь изменениям, они обязательно сохраняют соотнесенность с первоначальным, исходным выражением и своим смысловым значением. Это, на наш взгляд, и обеспечивает определенный стилистический эффект. Сопоставление традиционного, стандартного и нового, необычного и резкость контраста между ними вызывают у читателя соответствующую реакцию: *Видеть друг друга им помогает сердце – об истории любви и поддержки слепой пары из Волгограда* («КП», 2015, № 2) или *Отчего трясет Казахстан – л проведении досрочных президентских выборов – на год раньше срока* («Аргументы недели», 2015, № 10).

Рассмотрев примеры индивидуально - авторского использования таких выразительных средств в синтаксических конструкциях в газетных текстах, мы пришли к выводу, что чаще всего их трансформация достигается за счет дополнительного введения в их состав прилагательных или других частей речи, которые не только выполняют свою определенную функцию, но и способствуют созданию различных стилистических эффектов: *имелся опыт неудавшейся личной жизни* («АиФ», 2010, № 16, С. 23).

Мы в данной работе придерживаемся широкого понимания несвободных сочетаний и классифицируем их с точки зрения семантической сложности составляющих компонентов. Они являются только эквивалентами слов, образуют своеобразные синтаксически составные слова, выступающие в роли либо частей предложения, либо целых предложений, поэтому и подводятся под грамматические категории как целостные семантические единицы. Как показал материал нашего исследования, в большинстве своем указанные группы синтаксических языковых единиц не только называют что-либо, но и выражают отношение к называемому, дают ему оценку, экспрессивно характеризуют предмет или явление, вызывают образное представление. Таким образом, сама природа некоторых синтаксических конструкций, особенно неполных, обладающих яркой формой, стилистической окраской создает предпосылки для их широкого использования в текстах газетной публицистики.

Библиографический список

1. Васильева Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 350 с.
2. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 420 с.
3. Ожегов С.И. Лексикология. Культура речи. – М.: Просвещение, 1974. – 470 с.
4. Солганик Г.Я. Лексика газеты: функциональный аспект. – М.: Просвещение, 1981- 320 с.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Антамошкина Зинаида Семеновна

МБОУ Алексеевская средняя школа, Волгоградская область

FUNCTIONING SYNTACTICAL CONSTRUCTIONS IN PUBLICISM

Antamoshkina Zinaida Semenovna

Alekseevskaya secondary school, Volgograd region

Аннотация

Публицистический стиль выполняет функции воздействия и сообщения, т.е. журналисты сообщают о каких-либо фактах и событиях, которые происходят в окружающей действительности и дают им оценку. В изучении специфики функционирования синтаксических конструкций публицистического стиля накоплен богатый опыт, отраженный в обширной научной литературе. Тем не менее, до сих пор нет достаточно полного системного описания данного языкового явления, хотя в последние годы изучение газетно-публицистической речи сделало большой шаг вперед благодаря исследованиям Бельчикова Ю., Беневальской Т.А., Вакурова В., Костомарова В.Г., Солганика Г.Я., Чернышева В.П. и др. Объектом исследования в данной статье является функционирование синтаксических конструкций в публицистическом стиле речи. Цель работы состоит в выявлении специфики функционирования различных синтаксических конструкций в газетных текстах. Основная цель предопределила постановку и решение следующих задач: проанализировать специфику функционирования синтаксических конструкций в исследуемом материале; установить закономерности использования синтаксических конструкций в публицистике.

Ключевые слова: функционирование синтаксических конструкций, языковые единицы, публицистический стиль

Abstract

Journalistic style serves as the impact and message, ie Journalists report any facts and events that occur in the surrounding reality and give them a rating. In a study of the specifics of the operation syntax journalistic style has accumulated a wealth of experience is reflected in the extensive scientific literature. Nevertheless, there is still no sufficiently complete system description of the linguistic phenomenon, but in recent years the study of journalese speech made a big step forward with research Belchikova Y., Benevalskoy T.A., Vakurova V., Kostomarova V.G. , Solganika G., Chernysheva V.P. and others. The object of study in this article is the functioning of syntax in a journalistic style of speech . The objective of the work is to identify the specificity of functioning of different syntactic structures in newspaper texts. The main objective of predetermined formulation and solution of the following tasks: to analyze the specifics of functioning of syntactic structures in the material; establish patterns of use of syntactic constructions in journalism.

Keywords: operation syntax, language units, journalistic style

Трудность описания газетно-публицистического стиля, система его употребления напрямую связаны со сложностями сбора анализируемого материала. Еще менее изученным предстает специфика синтаксических конструкций в новостных текстах. Материал нашего исследования показал, что использование различных синтаксических конструкций придает речи силу и убедительность, красочность и образность. Крылатое слово, используемое в синтаксических конструкциях делает язык более эмоциональным. Недостаточная изученность подобных вопросов и определила актуальность этой работы. Объектом исследования в настоящей работе являются синтаксические конструкции в газетных текстах. Предметом стали особенности и специфика функционирования синтаксических

конструкций. Материалом исследования послужили газетные тексты, были привлечены такие газеты, как «Аргументы и факты», «Вечерний Волгоград», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Моя семья», «Красная Звезда» за 2010 – 2015 годы. Практическая значимость заключается в том, что материал данного исследования может быть использован для проведения спецкурсов по общему синтаксису.

Основные свойства языка газеты непосредственно связаны с назначением, сущностью и функциями печати. Имея целью заинтересовать, убедить читателя в достоверности тех или иных мнений, суждений, публицистика активизирует все возможности, все ресурсы языка для воздействия на умы и чувства людей. В публицистике все средства языка, в том числе и синтаксические, служат, в конечном счете, задачам убеждения и воздействия на читателей.

Основные свойства языка газеты непосредственно связаны с назначением, сущностью и функциями печати. Имея целью заинтересовать, убедить читателя в достоверности тех или иных мнений, суждений, публицистика активизирует все возможности, все ресурсы языка для воздействия на умы и чувства людей. В публицистике все средства языка, в том числе и синтаксические, служат в конечном счете задачам убеждения и воздействия на читателей.

Если мы возьмем в качестве примера использование в синтаксических конструкциях таких словосочетаний, как тянуть ляжку, взвалить на плечи, за спиной, на носу, не за горами, с ходу и др. то их значения являются производными, мотивированными и вытекающими из значений образующих их компонентов, например: Мы приватизировали квартиру, а теперь понимаем, что эту ляжку нам не потянуть. Тем более что огромный налог на недвижимость скоро введут. Можно ли расприватизировать жилье? («КП» 28 окт. 2013 г. С. 16); Или Все зависит от того, для чего вы их откладывали. Если не за горами покупка, за которую придется расплачиваться рублями, несите доллары в обменник и не задумывайтесь. («КП» 16 января 2015 г. С. 4).

Довольно часто в газетных материалах функционируют такие воспроизводимые обороты речи, которые состоят целиком из слов со свободными значениями, например: Но верно говорят, нет худа без добра. Сокамерник дал Анохину адрес своей сестры... Вскоре Валера и Лена поженились и вроде бы счастливы вместе. («Моя семья» №9. 2013 г. С.8), или: Такого, как в России, найти трудно. Конечно, в каждой избушке есть свои погремушки, но не до такой степени. («АиФ» № 15, 2012 г. С.14).

В данном случае «нет худа без добра» и «в каждой избушке есть свои погремушки» целиком состоят из слов со свободными значениями. Словосочетания в синтаксических конструкциях носят коммуникативный или номинативный характер. Находят в синтаксических конструкциях место и грамматические архаизмы. Например, спустя рукава и сломя голову, в которых сохранилась архаичная форма деепричастия (в современном русском языке деепричастия совершенного вида образуются с помощью суффиксов – в и – вши), а также: ныне отпускаеши (ср. отпускаешь); темна вода в облацех, притча во языцех: Роман, который завела директор школы с двадцатилетним «мачо», только что пришедшим из армии, стал вскоре притчей во языцех («Волгоградский меридиан» №15. С. 20).

Таким образом, синтаксические языковые единицы русского языка позволяют открыть все новые и новые, поистине неистощимые возможности употребления слов, возможности включения их в такие сочетания, в которых даже самые примелькавшиеся слова приобретают новый смысл.

На основе сопоставительного анализа структуры лексического и фразеологического значений приведенного контекста, можно прийти к выводу, что структура синтаксических единиц представляет собой единство составляющих ее компонентов, находящихся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности. В качестве примера рассмотрим предложение, грамматическим центром которых является глагол вести, обозначающий перемещение объекта в пространстве: Оля вела дочурку в школу и казалась очень счастливой («МС», № 5, 2004). Здесь глагол вести употреблен в первичном значении – «идя вместе, направлять движение, помогать идти». Он сочетается с конкретным одушевленным существительным и служит простой констатацией факта. Уже другое значение он имеет в

следующем контексте: «...Наши политики ведут страну к огромной пропасти...» («АиФ», № 7, 2002, С. 5)

В таких сочетаниях, как вести борьбу, вести учет, вести интригу, вести политику и т.д. происходит разрушение категориальной лексической семы, образуются новые лексические единицы, которые входят в другие лексико-семантические группы и здесь уместно говорить о таком процессе как «семантическая деривация» (Лопушанская, 81). Артист должен быть «над» – так утверждает Барри Алибасов. Артист должен быть воплощением недостижимого, вести соответствующий образ жизни («АиФ», № 25, 2010. С. 14). В данном случае глагол вести утратил свои конкретные семы, сохраняя лишь наиболее общую глагольную сему «совершать действие».

Формирование исторически связанного значения обусловлено утратой у глагола на определенном этапе развития языка основного значения, являющегося семантической опорой производного, которое, лишившись этой опоры, потеряло свою отдельность.

Таким образом, все языковые единицы, входящие в синтаксические конструкции, являются значением особого типа, структура которых представляет собой единство составляющих ее компонентов, находящихся в сложных разнообразных иерархических отношениях. На наш взгляд, синтаксис современного русского языка представляет собой глубоко своеобразное явление, имеет национальный характер. Составляющие ее языковые единицы в подавляющем большинстве не переводятся на другие языки, а заменяются однозначными выражениями, имеющими ту же сферу употребления и стилистическую окраску.

Однако семантические особенности архаичного или диалектного характера компонентов словосочетаний не всегда выражены так ярко. Например, во фразеологизмах иметь сердце (на ком-либо) «излить злобу» слово сердце имеет старое значение «гнев, злоба» (ср.: сердать от сердца, сердитый от срьдь). Иное значение имеет слово сердце в фразеологизмах от сердца отлегло «стало легче», положила руку на сердце «откровенно», близко принять к сердцу (что-либо) «отнестись с большой заинтересованностью». Архаичное для современного русского языка значение «гнев, злоба» у слова сердце является вторичным.

Значение, отличное от современного, имеет слово каша в фразеологизме сам кашу заварил, сам и расхлебывай «сам затеял что-либо хлопотное, сам и выпутывайся», восходящем к соответствующему свободному сочетанию слов, в котором слово каша обозначало не современную кашу, а похлебку из крупы (каша – букв. «крупя»), ср. устар. кашевар «повар».

Среди фразеологических единиц данной группы встречаются и такие, в которых архаичными или диалектными могут быть и слова и значения. Так, в фразеологизме благим матом «изо всех сил, громко» есть не только устаревшее, исчезнувшее слово мат «голос», но и архаичное значение «сильный» в слове благой (ср. диалектное «сильно, много»).

На основе и по аналогии с данными возникли и другие – нести бремя, груз, нагрузку, ответственность, обязанности; нести службу, дежурство; нести труды и заботы, должности... Например: Как в старые добрые времена, они несут службу по защите государственной границы и служат в пятнадцати казачьих воинских частях, на сорока двух погранзаствах, шестнадцати сторожевых кораблях («КП» 25 ноября 2012 г. С.13) Или: Закон о государственной службе наконец-то уберет эту юридическую путаницу и позволит казакам быстрее встать на ноги. «Единая Россия», по словам ее лидера, несет ответственность за его принятие госдумой ... («КП» 25 ноября 2010 г. С.13)

В данных примерах глагол нести в результате «семантической деривации» [1, с. 23] утрачивает свои конкретные семы, в частности сему «перемещение в пространстве», остается только информация о наличии действия, протяженного во времени, т.е. наиболее общие глагольные признаки. Процессы, происходящие в семантике глагола нести, аналогичны описанным выше: семантика задается существительным, глагол же сохраняет лишь наиболее общее значение.

Как уже говорилось выше, в качестве воспроизводимых языковых синтаксических единиц всегда выступают как определенное структурное целое составного характера, складываясь из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся в разных синтаксических отношениях.

Краткость, простота, лаконичность – большое стилистическое достоинство газеты, а простые и разнообразные по составу синтаксические конструкции, на наш взгляд, как раз и выполняют функцию лаконизации речи, делают ее краткой, сжатой, придают ей подчеркнuto энергичный тон, который выражает целеустремленность авторской мысли.

Парцеллированные конструкции, предложения с использованием фразеологизмов, метафоры, а также пословицы, поговорки, крылатые слова, образные выражения всегда кратки по составу и объемны по содержанию. Вместо громоздкого выражения «в непосредственной близости от кого-либо, рядом с кем-либо» предпочтительнее сказать более лаконично: «под носом»: Мы нагло шныряли у них под носом туда-сюда, демонстративно становились на самом виду – безуспешно («МК» №8, 2012. С.6). Или вместо «распутывать сложное хлопотное или неприятное дело» кратко написать «расхлебывать»: В результате передача заработала себе скандальный рейтинг, а девушки кучу проблем, которые будут теперь расхлебывать до конца дней («МК» №9, 2012. С. 11).

Фразеологизмы по-разному функционируют в газетном тексте: В последнее время излюбленным приемом у журналистов все чаще становится преобразование несвободных сочетаний. В процессе обновления они получают неожиданный, непривычный вид, вызывая тем самым повышенную реакцию читателя. В материалах, которые рассчитаны на то, чтобы повлиять на большую читательскую аудиторию, это один из простейших способов добиться ощутимого эффекта. Известный французский стилист Ш. Балли справедливо заметил, что «нарушения привычных форм языка косвенно служат экспрессивности уже одним тем, что вносят в речь разнообразие. Нет ничего более однообразного, как повторение одних и тех же форм...»[2, с. 394].

Рассмотрев примеры, индивидуально – авторского использования различных словосочетаний, мы пришли к выводу, что чаще всего трансформация несвободных сочетаний достигается за счет дополнительного введения в их состав прилагательных или других частей речи, которые не только выполняют уточнительную или ограничительную функции, но и способствуют созданию различных стилистических эффектов (Ср. утолить жажду – утолить хоккейную жажду, приклеивать ярлыки – приклеивать сложные теоретические ярлыки, нажить капитал – нажить солидный политический капитал и др.):

Значительно реже, но все же применяется усечение фразеологизма. Целенаправленное устранение компонента может вызвать не менее сильный эффект, нежели добавление нового: Все дело в том, что наши лучшие футболисты связаны по ногам («МК» №7, 2012. С.5). В данном случае речь идет о подкупах футболистов, а усечение компонента создает ярко выраженный эффект буквализации.

Нередким примером трансформации фразеологизмов в современной газете является замена компонентов. Экспрессивный эффект замены выражен тем сильнее, чем дальше друг от друга отстоят значения исходного и заменяющего слов: Но что получит зритель, которого приручили к новой морали в стиле «добей ближнего своего»? («АиФ» №7, 2012).

Сочетания типа добей ближнего своего (ср. люби ближнего своего), слово не воробей, поймают – вылетишь (ср. слово не воробей, вылетит не поймашь), труду все возрасты покорны (ср. любви все возрасты покорны) образованы по аналогии с общеупотребительными фразеологизмами, но благодаря замене компонентов получают абсолютно иное значение. Как правило, заменяющее исходный компонент слово имеет иную стилистическую окраску, либо употребляется в других контекстах.

Подобные выражения очень часто используются в качестве заголовков. Они сразу же привлекают читателей разрушением речевого стереотипа и достаточно четко обозначают тему материала: тени появляются слева, танки грязи не боятся, бред сивой попсы, общество губителей природы и др. В большинстве случаев замена составляющих компонентов

осуществляется здесь на основе звуковых эффектов или на основе созвучия заменяемого и заменяющего слов.

Итак, сущность стилистического эффекта зависит не только от выразительности самих этих разнообразных синтаксических языковых единиц и их функционирования в контексте, но и от намеренного нарушения журналистами принятого выражения, создания противоречия между принятой системой выражения и данным приемом трансформации. Однако, если несвободные сочетания нарушают стилистическую однородность текста, усложняют его понимание, то это приводит к стилистической дисгармонии, воспринимается как неряшливость: Врачи обрабатывали нас неделю. Каждый день сменялись делегации, одни уходили другие приходили. И все говорили примерно одно и то же. Ребенок, умрет у вас на руках, а если не умрет, то никогда не встанет на ноги, никогда не станет полноценным членом общества... («МС» № 10, 2012. С.3).

Подводя итоги, следует сказать, что в текстах газетной публицистики все средства выразительности, используемые в синтаксических конструкциях, функционируют либо без изменений, в своем первоначальном виде, либо в трансформированном виде. В первом случае, они выступают в качестве средств, делающих речь более разнообразной, красочной и выразительной, и при этом сохраняя значение и структуру, присущую им в общенародном употреблении. Во втором – получают помимо заложенных изначально свойств дополнительные экспрессивные оттенки и тем самым служат еще более мощным способом воздействия на читателя.

Проведенный анализ фактического языкового материала позволил предположить, что кроме отдельных выразительных средств метафорики в синтаксических конструкциях используются также и меткое крылатое слово, полная народной мудрости поговорка, выразительная идиома оживляют язык, при их помощи он становится более ярким и эмоциональным. Эти специфические качества фразеологизмов особенно ясно проявляются в текстах газетной публицистики. В умелых руках публицистов фразеологические единицы становятся одним из наиболее действенных средств для создания того или иного образа.

Использование фразеологизмов в синтаксических единицах публицистами всегда является делом творческим, а приемы их употребления носят самый различный характер.

Фразеологизмы могут использоваться в определенных стилистических целях, как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным смысловым значением, обновленной структурой или новыми экспрессивно-стилистическими качествами.

При использовании фразеологизмов без изменений, они выступают в газетных текстах в качестве одного из средств, делающих речь более выразительной, разнообразной, живописной. При таком употреблении фразеологическая единица не несет в себе никаких дополнительных экспрессивно – стилистических свойств, кроме тех, которые ей присущи изначально.

Постоянная потребность в общении между людьми, стремительно увеличивающееся количество новых понятий и представлений в сознании человека приводят к появлению в языке не только слов, устойчивых комбинаций слов, в частности фразеологизмов, но и самых разнообразных синтаксических конструкций.

Опираясь на материал нашей работы, можем сделать вывод о том, что все выразительные средства, представленные в разнообразных синтаксических конструкциях, а именно – фразеологизмы, метафоры, а также парцеллированные конструкции по – разному функционируют в газетном тексте. В последнее время излюбленным приемом у большинства журналистов все чаще становится преобразование несвободных сочетаний. В процессе обновления они получают неожиданный, непривычный облик, выдавая тем самым повышенную реакцию читателя.

Рассмотрев примеры индивидуально-авторского использования таких средств, можем предположить, что трансформация несвободных сочетаний в синтаксических конструкциях достигается за счет дополнительного введения в их состав прилагательных или других частей речи, усечения фразеологизма, а также путем замены одного из компонентов другим.

Функционируя в газетных текстах они несут дополнительные экспрессивные оттенки и служат более мощным способом воздействия, открывают все новые и новые, поистине неисчерпаемые возможности употребления слов в синтаксических конструкциях, помогают наполнить даже самые примелькавшиеся сочетания новым смыслом.

Библиографический список

1. Васильева А.Н. Газетно – публицистический стиль речи: курс лекций по стилистике русского языка - М.: Высшая школа, 1982 – с. 360.
2. Долгих И.А. Современный русский язык (Лексика и фразеология) - М.: Просвещение, 1985 – с. 410.
3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка - М.: Высшая школа, 1993 – с. 380.
4. Лопушанская С.П. Развитие и функционирование древнерусского глагола - М.: Высшая школа, 1998 – с. 290.

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА

Плеканюк Татьяна Николаевна

Нижегородский институт управления РАНХиГС

SEMANTICS AND PRAGMATICS PECULIARITIES OF A DERIVED WORD

Pleskanyuk Tatyana Nikolayevna

Nizhny Novgorod institute of public and business administration

Аннотация

С помощью словообразовательных процессов образуются вторичные, производные номинативные единицы, которые характеризуются не только изменением значения, меры эксплицитности и способа представления значения, но и актуализацией прагматических компонентов, часто обусловленной переосмыслением значения производящей основы.

Ключевые слова: семантика, прагматика, производное слово, словообразовательное значение, словообразовательная последовательность, словообразовательная текстовая связность

Abstract

Secondary, derivative nominative units appear using derivational processes, which are characterized not only by changing the meaning, value of explicitness measures and ways of representing, but the actualization of the pragmatic component, often due to the reinterpretation of the significance of a making basis.

Keywords: semantics, pragmatics, derived word, derivational meaning, word-formative sequence, word-formative text coherence

Своеобразие производного слова состоит в том, что его значение вытекает непосредственно из значения мотивирующего его слова. Важность мотивирующего слова в формировании лексического значения производного слова была впервые отмечена Г.О. Винокуром, который подчеркивал, что именно "посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы можно определить значение мотивированного слова" [1]. Для смысловой структуры производного слова характерно соотношение как с миром действительности, так и с миром слов, т. е. им присуще "свойство двойной референции" [2]. Вместе с тем, учитывая важность мотивирующего слова в формировании семантики

производного слова, не следует исключать роль двух других факторов — его формантной части и той формальной операции, которой подвергается исходная лексическая единица при образовании производного слова.

Ключом к семантическому прочтению и истолкованию любого производного слова является его поверхностная морфологическая структура. Готовые производные слова - это результат деятельности говорящего, формальной операции, закрепляющей различные типы отношений между явлениями и предметами объективной действительности. Результат этой деятельности фиксируется в языковой единице. В любом производном слове отражается динамизм языка и его статичность.

Словообразовательное значение, составляющее часть семантики производного слова, выражает тип отношения между значениями мотивированных и мотивирующих основ. [3] Наличие в смысловой структуре производного слова наряду с лексическим значением значения словообразовательного подтверждает специфический характер значения производного по сравнению с простым словом, проявляющийся в двойной референции производного — отношение к окружающему миру и отношение к миру слов. Двойственную природу производного можно объяснить наличием у производного слова словообразовательного или деривационного значения как конструируемую (речевую) единицу и как воспроизводимую (языковую). Именно такие признаки производного слова, как тип словообразовательного значения, моделируемый и членимый характер производного и позволяют использовать его коммуникативный и прагматический потенциал в различных ситуациях общения. Производное по смысловой структуре может быть более узким, конкретным, чем исходное слово (белый – беленький – беловатый – белесый – белокурый), а, следовательно, обладает более экспрессивными возможностями.

Имеющиеся в языке лексические средства и словообразовательные механизмы дают возможность человеку использовать их для создания новых лексических единиц, удовлетворяющих его замыслу. Наше внимание сосредоточено на словообразовательных процессах в прагматическом аспекте. Прагматическое значение производного слова имеет сложную языковую природу и определяется общими закономерностями прагматического значения в слове вообще и специфическими, присущими только производному слову, свойствами. Формирование прагматического значения производного слова, как и простого, обусловлено контекстоситуативными условиями употребления, и в то же время внутренними факторами словообразовательного механизма. Свой "вклад" в формирование прагматического значения производного могут вносить смысловые компоненты производящей основы, словообразовательного форманта, тип отношения, связывающего эти два элемента.

Возьмем для примера прилагательное беленький, образованный от прагматически нейтрального слова белый:

Это была молодая женщина лет двадцати трех, вся беленькая и мягкая, с темными волосами и глазами, с красными, детски пухлявыми губками и нежными ручками. Благодаря префиксу -еньк, имеющему здесь ласкательное значение и контекста, значение производного конкретизируется также под влиянием лексем мягкая, детски пухлявыми.

Прагматический потенциал производных единиц по сравнению с их производящими основами можно проследить и на примере других способов словообразования. Евлампия была тоже очень недурна собой, не хуже сестры, но только в другом роде. Росту она была высокого, сложения дородного. Все в ней было велико и голова, и ноги, и руки, и белоснежные зубы, и особенно глаза, выпуклые, с поволокой, темно-синие, как стеклярус, все в ней было даже монументально, но красиво. Белокурую густую косу она, видимо, не знала, куда деть и раза три обматывала ее вокруг темени. Рот у нее был прелестный, свежий как розан, малинового цвета. В данном примере характерной чертой в словообразовании является особая роль словосложения.

Такое особое положение сложных слов в лексическом составе языка можно объяснить их большой информативностью, семантической нагруженностью, а, следовательно, и

разнообразием прагматических характеристик (эмотивность, оценочность, интенсивность и др.). Информативная насыщенность сложного слова объясняется тем, что в основе его смысловой структуры лежат два понятия, одно из которых представлено ономазиологическим базисом, а другое — ономазиологическим признаком, которые передаются основами полных слов. Семантика сложного слова определяется семантикой составляющих его частей и типами отношений между ними, а в конечном счете, чтобы определить значение сложного слова, необходимо знать, какие отношения связывают реальные объекты, обозначенные в этом слове. [4]

В одних случаях значение сложного слова формируется на основе логико-смыслового взаимодействия буквальных значений составляющих его компонентов, где основным является последний компонент, так как именно он является носителем морфологических показателей. Несмотря на то, что для нашей работы важно обратить внимание на первый компонент, т.к. именно он передает прагматический признак. Компоненты, входящие в состав производного слова, объединяются при помощи интерфиксов (соединительных элементов):

Один ее прямой, чуть-чуть вздернутый носик мог свести с ума любого смертного, не говоря уже о ее бархатных, карих глазках, золотисто-русых волосах, ямках на круглых щечках и других красотах.

Однако не всегда значение сложного слова выводится из предметно-вещественных значений его компонентов и типа отношений между ними. Так, имя существительное, привлеченное для обозначения цвета, может сопровождаться одним, двумя и большим количеством определений – прилагательных или причастий. На базе этого существительного нередко возникают пространственные описательные обороты, позволяющие особенно точно обозначить цвет. Помимо общепринятых, возможных в разных стилях словосочетаний цвета морской волны, цвета слоновой кости, цвета воронова крыла, а также словосочетаний типа цвета кофе с молоком, всех цветов радуги, в художественной литературе широко распространены индивидуально-авторские образования, например:

Боже мой! Какая это была красавица! Нос у ней был несколько велик, но красивого, орлиного ладу, верхнюю губу чуть-чуть оттенял пушок, зато цвет лица, ровный и матовый, ни дать ни взять слоновая кость или молочный янтарь, и особенно глаза, темно-серые, с черной каемкой вокруг зениц.

Словосочетание конкретнее производного прилагательного и образованных от него форм субъективной оценки или слов со значением неполноты признака, поэтому синтаксический синоним часто попадает в позицию уточняющего определения: Лицо у нее было желтоватое, цвета подсолнечного масла. [5]

Благодаря процессу метафоризации слово приобретает эмотивно-оценочную окраску, т. е. стало прагматически маркированным. Раскрытие смысла подобных метафорических сложных наименований невозможно без обращения к внеязыковой действительности, к осмыслению не только реально существующих, но и возможных связей между предметами, т. е. на основе импликационалов обоих компонентов композита. Нередко словообразовательные единицы принимают на себя функцию тропов. [5]

Таким образом, можно сделать вывод, что с помощью словообразовательных процессов образуются вторичные, производные номинативные единицы, которые характеризуются не только изменением значения, меры эксплицитности и способа представления значения, но и актуализацией прагматических компонентов, часто обусловленной переосмыслением значения производящей основы. Словообразовательный способ сопровождается употреблением фразеологии изобразительного характера, метафорическим сравнением, словосложением, нанизыванием определений, использованием широкого контекста.

Библиографический список

1. Винокур Г. О. Избранные труды по русскому языку. - М., 1956.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. - М., 1981.

3. Плесканюк Т.Н. Связующая функция словообразовательных единиц в тексте // Вестник Университета Российской академии образования. – 2009. – №2. – С. 50-53. – Режим доступа: www.vestnikuraio.ru/pdf/VESTNIK_URAO_2-2009r.pdf (0,3 п.л.).
4. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная последовательность как средство текстовой словообразовательной связности//Современные проблемы науки и образования. -2014. -№ 1. -Режим доступа: www.science-education.ru/115-12099.
5. Плесканюк Т.Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста (структурно-семантический аспект): дис.. канд. филол. наук. -Н.Н., 2014. -С. 109-115.

УДК 81.366

АГЕНС СИТУАЦИИ, ОПИСЫВАЕМОЙ ГЛАГОЛАМИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДАВЛЕНИЕ»

Твердохлеб Ольга Геннадьевна

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург
ogtwrd@gmail.com

THE AGENT OF THE SITUATION DESCRIBED BY VERBS OF THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP "PRESSURE"

Tverdokhleba Olga Gennadjevna

Orenburg State Teacher Training University, Orenburg

Аннотация

Эта статья рассматривает проблему семантических актантов и семантику глаголов давления в конструкциях современного русского языка. В работе исследованы и описаны синтаксические конструкции с глаголами лексико-семантической группы «давление», обнаруженные методом сплошной и частичной выборки в художественных и научно-популярных текстах современного русского языка. Проведенный анализ иллюстративного материала показал, что агенсом ситуации, описываемой в предложении глаголами давления, могут быть представлены имена существительные (местоимения) в форме именительного падежа при глаголах «давления» в активной форме и в форме творительного падежа при глаголах «давления» в пассивной форме. Выявлено, что в позиции субъекта при глаголах «давления» представлены имена разных тематических классов. Имена существительные при глаголах описанной групп называют лица (человека, людей) и сверхъестественных существ, животных и растения, а также совокупности лиц, людей (в том числе организации людей), животных и растений. Языковой материал показывает, что в конструкциях с глаголами «давления» до ранга субъект могут подниматься другие актанты. Полученные результаты и приводимый в данной работе богатый иллюстративный материал могут найти применение в практике составления словарей, а также представляют интерес для теории и практики перевода и для теории залога.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа глаголов, субъект.

Abstract

This article considers the problem of semantic actants and the semantics of verbs of pressure in the constructions of modern Russian language. In this paper, we investigated and described syntactic constructions with verbs of the lexical-semantic group "pressure" detected by the method of continuous and partial selections in fiction and non-fiction texts of the modern Russian language. The analysis of illustrative material showed that the agent of the situation described in the sentence verbs of pressure, can be represented by nouns (pronouns) in the nominative case with the verbs "pressure" in active form and in the form of instrumental case with verbs of "pressure" in passive form. Revealed that the position of the subject when the verbs "pressure" presents the names of

different thematic classes. The nouns with the verbs of the described groups can name person (person, people) and supernatural beings, animals and plants, as well as the totality of persons, people (including organizations of people), animals and plants. Language material shows that in constructions with the verbs "pressure" to rank the subject can climb other actants. The obtained results and provide rich illustrative material, can be used in the practice of compiling dictionaries, and are also of interest for the theory and practice of translation and the theory of collateral.

Keywords: lexico-semantic group of verbs, the subject

Продолжая исследование валентностного окружения глагола [4-13], в данной работе мы остановимся на анализе семантических актантов, представленных в субъектных позициях в предложении с глаголами лексико-семантической группы «давления».

Агенс [3], или sub (субъект — по Ю. Д. Апресяну) [1] ситуации, описываемой в предложении глаголами *давления*, может репрезентировать:

❖ **лицо, человека**, напр.: *Сестра с белой короной ...резиновым красным жгутом затянула ему руку выше локтя...* (А. Солженицын. Раковый корпус); *Не раз сирота кулаком слезы утрет* (Пословица), названных в предложении:

• при активной форме глагола:

○ именем существительным в именительном падеже, ср.: *Их топчет всадник беспощадный Своим гуляющим конем...* (А.И. Полежаев. Чир-юрт); *Баба ...рукой вытерла рот и нос вместе...* (А.Н. Толстой. Яшмовая тетрадь); *...когда герой жмет рукой роковое яйцо* (В.Я. Пропп. Морфология сказки); *И снова Пушкин слабо сжимал руку Даля уже совсем холодными пальцами* (А.А. Кузнецова. Моя мадонна); *Ханов голой рукой попеременно пожимал уши...* (В.А. Гиляровский. Собр. соч. Т. 2); *Старик достал из кармана ложку и вытер заскорузлым пальцем* (А.С. Серафимович. У обрыва);

○ либо местоимением в именительном падеже, ср.: *Что ж ты меня конем топчешь?* (М.А. Шолохов. Тихий Дон); *Ленивою рукою обтирал он катившийся градом пот* (Н.В. Гоголь. Сорочинская ярмарка), *...на лыжах мы давим на снег в 20 раз слабее, чем стоя на снегу прямо ногами* (Я.И. Перельман. Занимательная физика); *...а вы ее топчете конями...* (А.С. Серафимович. У обрыва); *Сначала верх держали «демоты», которые изгнали богачей и растоптали их детей на гумне пригнанными туда быками* (Ф.К. Кессиди. Гераклит);

• а при пассивной форме глагола именем существительным в творительном падеже в позиции «агентивного дополнения» (— термин Л.Л. Буланина [2]), ср.: *Гордому боснийцу ничего не оставалось делать, как, шипя от унижения, перебирать по паласу задними лапами — передние, точно тисками, сжимались мучителем* (И. Бояшов. Путь Мури).

Агенс описываемых ситуаций также может репрезентировать:

❖ **сверхъестественное существо**, напр.: *Демон сжал кулаки до боли* (В. Глумов. Чистилище. Операция «Призрак»); *...с какой силой колдун сжимает пальцы* (Ю. Никитин. Истребивший магию); *...вдруг, колдун почувствовал, что сжимает не звериное, а человеческое тело* (М. Епатко. Путь грома); *...он (колдун — О. Т.) одной рукой сильно сжимает мою кисть* (А. Кош. Если бы я был вампиром);

❖ **животное**, напр.: *Невиданные до той поры в Египте животные — кони — топтали копытами ...знаменитую пехоту Европы* (Наука и религия. 1997. № 5, с. 38); *Одни только кони, скрывавшиеся в них (диких растениях — О. Т.) вытоптывали их* (Н.В. Гоголь. Тарас Бульба); *Собака рвала землю зубами, топтала лапами...* (К.Д. Ушинский. Гадюка); *Взревели испуганные быки ...и многих перетоптали* (Там же); *Индийские слоны, сорвав большую ветку, придерживают ее на земле передней ногой...* (Ж.И. Резникова. Журнал общей биологии. 2006. № 1); *Если не было кружки, она (обезьяна — О. Т.) смачивала тряпку в тазу и выжимала ее на огонь...* (Л.Г. Воронин, Л.А. Фирсов. Исследования ...антропоидных обезьян. Журнал высшей нервной деятельности. 1967. № 5), ср. также переносное лексическое значение у глагола: *Во втором варианте огромная летучая мышь*

подавляет своими размерами фигуры... (В.М. Алпатов. Этюды по всеобщей истории искусств); Но *конь* у Пуссена не *подавляет* человеческих фигур (Там же);

❖ **растение**, напр.: *Тогда я пошел, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки...* (М. Пришвин. Золотой луг); *...растения в лесу ...заглушают друг друга...* (А. Богданов. Очерк организационной науки);

❖ **совокупность** лиц, людей, в том числе организация людей, напр.: *...кованой рати, которая ...подавит конями в железных доспехах* (И.Б. Греков, Ф.Ф. Шахмагонов. Мир истории: Русские земли в XIII-XV веках), ср. также переносное лексическое значение у глагола: *...Теснит тебя домашний круг...* (М.Ю. Лермонтов, Маскарад);

❖ **совокупность** животных или растений, напр.: *Дикий бурьян чернел кругом и глушил все своею густотою* (Н.В. Гоголь. Вечер накануне Ивана Купала).

Более подробное исследование конструкций с глаголами *давления* показывает, что до «ранга субъект могут подниматься» (по терминологии Е.В.Падучевой) и некоторые другие актанты, о чем свидетельствуют репрезентации в субъектных позициях партитива, способа, орудия или одежды:

• в позиции подлежащего при активной форме глагола, ср.: *Рука падишаха сжала кинжал* (А. Самборский, Наука и религия. 1997. № 7); *Ее пальцы все еще сжимали нитки ожерелья* (Наука и жизнь. 1998. № 2, с. 117);

• и в позиции агентивного дополнения в форме творительного падежа при глаголе в пассивной форме, ср.: *Готовый полуфабрикат ... собственными силами прижимается к обейм ее поверхностям...* (Автозвук. 2005. № 4, с. 48); *Вода, как более тяжелая, чем пробка, отжимается центробежной силой к стенкам бутылки, а пробка остается посередине* (Ф.В. Рабиза. Техника своими руками); *Когда ускоряется космический корабль, космонавт внутри корабля гигантской силой прижимается к спинке кресла* (М. Гарднер. Теория относительности для миллионов); *...грунтозацепы глубоко вдавливаются весом танка в землю* (О. Таругин. Наши танки); *...воздух в бутылке сожмется давлением жидкости* (Я.И. Перельман. Занимательная физика); *...дверь плотно подпирается током воздуха* (Знание – сила. 1998. № 4, с. 65); *Нержавеющее колечко зажимается на птичьей лапе щипцами...* (А.Х. Тамбиев. Я познаю мир: Дет. Энциклопедия: Миграция животных); *...стык ...зажимается специальными ножницами* (Техника-молодежи. 1980. № 1, с. 18); *В первой раскатной группе краска раскатывается и растирается непрерывно вращающимися валиками и металлическими цилиндрами* (Е.А. Усманова. Работа на типографских печатных машинах); *Лягушки ...на дорогах расплющиваются колесами* (Комсомольская правда. 26.01.01, с. 25); *...бугры за ушами ...массируются круговыми движениями больших пальцев* (Ю.А. Хайрова. Умеете ли вы отдыхать?); *...а края (шатров — О. Т.) придавливаются к земле тяжелыми камнями* (Антропология. Хрестоматия); *...центральный стержень ручки ковша подпирается боковыми колонками* (Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов, С.Н. Шитова. Декоративное творчество башкирского народа); *...утолщения, которые вдавливаются сапогами или башимаками в слой кожи* (Ф. Нимейер. Частная патология и терапия).

Таким образом, в конструкции с глаголами *давления* в позиции субъекта могут быть представлены имена существительные (местоимения), называющие людей, сверхъестественных существ, животных, растения, а также их совокупности, в форме именительного падежа при глаголах «давления» в активной форме и в форме творительного падежа при глаголах в пассивной форме. В конструкциях с глаголами *давления* до ранга субъект могут подниматься другие актанты, о чем свидетельствует языковой материал.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки славянской культуры, 1995.

2. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии / Пос-е для учителей. – М. : Просвещение, 1976. – 207 с.
3. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
4. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «покрытие» // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: Материалы Международной научно-практической конференции. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – Т. 1. – С. 127–131.
5. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «разрушение» // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 152–153.
6. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «отделение» // Вестник Оренбургского педагогического университета: Естественные и гуманитарные науки. – 2007. – № 2 (48). – С. 56–62.
7. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединение: субъект (животные и растения) — объект // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – № 5 (100). – С. 469–474.
8. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: субъект (лица) – объект // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 3. – С. 122–126.
9. Твердохлеб О. Г. Имена существительные в единственном числе в позиции объекта при глаголе соединить: выражение ассоциативной взаимности // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика : Международная конференция (V Бодуэновские чтения) : Труды и материалы. под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Казань, 2015. С. 314–315.
10. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: агенс и посредник // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Т. 21. – № 21. – С. 462–464.
11. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глагола соединить: 1. Агенс // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 4. – С. 5–7. DOI: 10.14529/ling150401
12. Твердохлеб О. Г. Имена существительные в единственном числе в позиции субъекта при глаголе *соединиться/соединяться*: выражение ассоциативной множественности // Язык в слове, фразеологизме, тексте: коллективная монография. – Орел: ОГУ, 2015. – С. 240–244.
13. Твердохлеб О. Г. Валентностное окружение глагола «соединить»: агенс (сверхъестественное существо) — объект // Филологос. – 2015. – № 25 (2). – С. 62–66.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.11-112

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ФАКТОРА УВЕРЕННОСТИ МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Меркулова Евгения Николаевна, Раззамазова Ольга Владимировна

Алтайская академия экономики и права

emerkulova@rambler.ru

PREDICTION OF ASPECT OF CERTAINTY THROUGH MODAL VERBS IN THE ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

Merkulova Evgeniya Nikolaevna, Razzamazova Olga Vladimirovna

Altai Academy of Economics and Law, Barnaul

Аннотация

Статья посвящена прогностическому потенциалу модальных глаголов, относящихся к эпистемической модальности. В статье исследуется семантический диапазон эпистемической модальности, анализируются модальные средства по степени выраженности уверенности в английском и немецком языках.

Ключевые слова: лингвистическое прогнозирование, модальные глаголы, фактор «Уверенность»

Abstract

The article is devoted to predictive potential of modal verbs relating to epistemic modality. The article investigates semantic range of epistemic modality, analyses modal verbs according to the intensity of certainty in the English and German languages.

Keywords: linguistic prediction, modal verbs, aspect of «Certainty»

В последнее время научный интерес лингвистов к процессу прогнозирования значительно усилился. Вопросы прогнозирования освещаются в психолингвистических исследованиях (И.Н. Горелов, К.Ф. Седов, А.А. Леонтьев, Р.М. Фрумкина, И.А. Зимняя, А.А. Залевская), в языковедческих изысканиях (В.Н. Мигириним, В.Г.Байковым, А.А. Кретовым, Л.М. Владимирской, Е.В. Сильченко, Т.В. Шенкнехт), а также накоплен богатый экспериментальный фонд, подтверждающий представления о том, что человек владеет вероятностными закономерностями речи и использует имеющиеся у него сведения для оптимизации стратегии речевого поведения. Использование данного подхода способствует корректной идентификации языковых сущностей через призму их прогностических потенций.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть модальные глаголы английского и немецкого языков, с помощью которых поддерживается внутреннее ожидание, продуцируемое контекстом, и осуществляется процесс прогнозирования уверенности. Необходимость учета такого фактора как “ уверенность “ прогнозирует реализацию множества скрытых смыслов, которые определяются лишь в глубинных структурах. В английском языке к модальным глаголам относятся may/might, can/could, must, should, ought to, will/shall и другие. В немецком языке таковыми являются глаголы können, wollen, dürfen, mögen, sollen, müssen.

Высказывания с модальными глаголами могут выражать мнение, предположение с различной степенью уверенности, что зависит часто от формы употребления языковой единицы.

(1) *So it may have been she who took the ink and spilled it over Elisabeth Johnston's papers [3, 178].*

(2) *A suspicion might have arisen that he had killed her when he entered the room and found the body – but that was out of the question when a trained hospital nurse would assert positively that she had already been dead an hour [6, 303].*

Анализ словарной дефиниции модального глагола *may/might* показал, что в семантике глагола присутствует значение предположения, которое в зависимости от того, в какой форме он употребляется, будет выражать различную степень уверенности. В примере модальный глагол *may* употребляется для выражения предположения по поводу возможности действия, в правдоподобии которого говорящий не уверен. Глагол *might* указывает на меньшую возможность, чем *may*, другими словами, на большую степень неуверенности. Так, профессор Л.С. Бархударов об использовании формы *might* пишет, что в сочетании с перфектной формой инфинитива *might* выражает догадку о возможности чего-либо, а также предположение с большой степенью неопределённости и сомнения [1].

(3) *The conine in the bottle must have been put there before she took it down to the garden [7, 23].*

(4) *...Death was due to acute paralysis of the heart, and must have been practically instantaneous. [3, 41].*

(5) *Now, up to last night, we have had the rain for a week, so that those wheels which left such a deep impression must have been there during the night [9, 23].*

(6) *But for two of them, and one a woman, it must have been heavy work, the raising of the stone [8, 363].*

Модальный глагол *must* имеет следующие дефиниции: 1) *used to show that it is necessary or very important that something happens in the present or future*; 2) *used to show that something is very likely, probable or certain to be true* [12]. Согласно второму значению глагол *must* выражает предположение, обычно основанное на фактах, на знаниях, которые почти граничат с уверенностью. Говорящий считает предположение вполне правдоподобным. Анализ фактического материала с глаголом *must* в сочетании с перфектным инфинитивом демонстрирует высокую степень уверенности говорящего о достоверности события. Данная уверенность базируется на фоновых знаниях говорящего о существующем положении дел.

В немецком языке у глагола *müssen* также отмечаются значения: 1) *gezwungen sein, etwas zu tun*; 2) *verpflichtet sein, etwas Bestimmtes zu tun*; 3) *drückt eine hohe, sich auf bestimmte Tatsachen stützende Wahrscheinlichkeit aus* [10]. Как видно из дефиниций в семантике глаголов присутствуют семы необходимости и предположения. Значение предположения репрезентирует высокую степень выражения уверенности, основанной на логических рассуждениях, знаниях, фактах.

(7) *Es mußte altes Militär dabei sein, das durch die Marschmusik angeregt wurde, ... [14, 105].*

Предложение характеризуется модальностью предположения, которая создается с помощью модального глагола *müssen*. Вероятность прогноза усиливается за счет расширения информации в придаточном предложении, которая повышает степень уверенности автора в адекватности гипотезы. В качестве аргументов предполагается описание признаков, коррелирующих с военной тематикой. Прогноз оправдан, предполагаемая причина адекватна заявленному следствию:

(8) *... denn machtvoll erhob sich nach kurzer Zeit das unvergängliche Lied „In Hamburg bin ich gewesen, hab gesehen die blühende Welt“ [14, 105].*

(9) *Victors Ziehmutter mußte um den bevorstehenden Besuch gewußt haben;... [16, 42]*

С помощью модального глагола *müssen* и инфинитива II передается оттенок субъективно-эпистемической модальности – предположительность, граничащая с уверенностью адресата в достоверности сообщаемой информации. Выдвижение гипотезы должно подкрепляться достаточными для этого основаниями, то есть заключенное в высказывании предположение выступает как следствие и прогнозирует появление причины:

(10) ... *denn der Tisch war gerade für so viele Menschen gedeckt, als da waren* [16, 42].

(11) *Trisana mußte abgereist sein,*

... *denn Viola blieb am Abend zu Hause* [5, 107].

Настоящий пример является релевантным в плане реализации прогноза причинного компонента на основании логического обоснования предполагаемого вывода. Если в высказывании присутствуют средства модальности предположения (*mußte abgereist sein*), они могут рассматриваться как средства прогноза уверенности (экспликации мотивов). В приведенном примере причинный компонент заключен в препозиции, в то время как прогностическими потенциями обладает ситуация, в которой Viola может остаться дома лишь в случае отъезда Trisana. Иными словами, прогноз в данном тексте строится относительно уверенности в причинном компоненте по психологическому основанию.

Поскольку обоснование предположения происходит путем логического рассуждения, то есть каузальная связь опосредствована известной мыслительной операцией, то, возможно, этим объясняется и характер синтаксической связи – сочинительная.

(12) „*Alles soll anders werden.*“ ...

„*Aber der Bäckerladen dort drüben braucht doch nicht anders zu werden.*“

„*Auch der.*“

„*Warum auch der Bäckerladen?*“

„*Na so*“ [4, 23].

Начальная реплика представляет собой решительное высказывание, содержащее модальный глагол *sollen*. Кажущаяся уверенность автора поддерживается интонацией утвердительного предложения и лексемой *alles*. Собеседниками являются два подростка, которые обсуждают тему не вполне им понятную. Субъект, предвещающий коренные изменения, говорит словами взрослых. Поэтому на уточняющий вопрос, требующий вскрытия причинно-следственной связи, он отвечает невнятно. Экспликацию причины он подменяет неинформативным „*Na so*“. Оказавшись перед необходимостью мотивировать свое высказывание, он «вуалирует» свое незнание с помощью специальной лексики. Так, пользуясь модальным глаголом *sollen* и инфинитивом I, автор формирует внешне решительное, но по существу не уверенное утверждение.

В английском языке для выражения вероятности и предположения употребляется также глагол *will / would*.

(13) *But murder is a habit. The man or woman who kills once will kill again* [8, 292].

В данном примере говорящий (детектив) рассуждает о привычке совершать преступления (убийство). Он высказывает предположение о том, что совершивший преступление (убийство) один раз, совершит его и в следующий раз. Полная уверенность в будущем событии здесь актуализируется с помощью глагола *will*, который часто репрезентирует характер предсказания.

(14) *He would come. He will come. You shall see him within an hour* [9, 27].

Приведенный выше контекст репрезентирует предположение автора высказывания относительно появления преступника на месте преступления. В первом предложении говорящий при помощи глагола *would* с неперфектным инфинитивом выражает высокую степень уверенности в неизбежности прогнозируемого события. Во втором предложении полная уверенность достигается посредством глагола *will*. Уверенность автора основывается на фактах, которыми он располагает.

В значении предположения могут употребляться глаголы *können* и *dürfen*, при этом последний в форме претерита конъюнктива. Предположение в отношении прошлого выражается с помощью конструкции модальный глагол + инфинитив II, в отношении настоящего – модальный глагол + инфинитив I.

(15) *Dann dachte er wieder: Es kann ja doch ein Spitzel gewesen sein.* [15, 58].

Автор высказывания находится в пространстве выбора и вполне допускает возможность присутствия шпика. Модальные частицы *ja doch* говорят в пользу выдвинутой

гипотезы. Однако это предположение не обладает стопроцентной уверенностью и может как соответствовать, так и не соответствовать действительности.

Предположение, выраженное глаголом *dürfen*, отличается от предположения, заявленного глаголом *können*. Анализ фактического материала показывает, что в семантике глагола присутствует значение предположения, которое репрезентирует более скромный, вежливый, но уверенный характер. В данном случае прогнозируется личное мнение, догадка.

(16) *“Sie heißen Martin Oppermann”, fragte der mit dem Eichenlaub. – “Das dürften sie nun endlich wissen”, denkt Martin [11, 235].*

(17) *Heutzutage mit einem Leutnant und zehn Mann den Reichstag auseinanderjagen dürfte schwerlich gelingen [4, 101].*

Предположение, граничащее с неуверенностью и заключенное в нерешительном высказывании, может также выражаться с помощью глагола *mögen* с инфинитивом другого глагола.

(18) *Es mag sein, dass ich beim nächsten Mal nicht wieder aufstehen werde, was immer Sie auch tun [13, 163].*

Очень низкая степень уверенности выражается модальным глаголом *wollen*. Говорящий подвергает сомнению истинность высказывания, приписывая авторство другому субъекту. Е.А. Крашенинникова пишет: “Если сопоставить все средства выражения предположения, то следует отметить, что глагол *wollen* выражает самую большую степень сомнения и недоверия: *Er kann hier gewesen sein. Er konnte hier gewesen sein.* “Можно предположить, что он был здесь” (возможно, что он был здесь, но его могло и не быть). *Er durfte hier gewesen sein.* “Я полагаю, я думаю, что он был здесь (но своего мнения не навязываю)”. *Er will hier gewesen sein.* “Он говорит, что он якобы был здесь (но я ему не очень-то верю)” [2, с. 59].

Таким образом, модальные глаголы передают различную степень уверенности. С помощью модальных глаголов выражаются тончайшие оттенки уверенности, вероятности и сомнения. Глаголами с большим прогностическим потенциалом в плане фактора «уверенности» являются в немецком языке глаголы *müssen* и *dürfen*, а в английском языке *will / would* и *must*. Модальный глагол *müssen*, также как и глагол *must*, обладает наибольшей степенью уверенности в предположении. Выдвигая гипотезу, индивид опирается на реальные обстоятельства и логические рассуждения. Прогноз высокой степени уверенности реализуется в развитии событий. Достаточная степень уверенности, основанная на субъективном восприятии, прогнозируется немецким глаголом *dürfen*. Английский глагол *will / would* с неперфектным инфинитивом актуализирует высокую степень уверенности говорящего в неизбежности совершения действия. Предположение с оттенком допущения, выражается модальными глаголами *können* и *mögen*. Глагол *sollen* может выражать ложную уверенность, имплицитно чужое мнение. Самый низкий потенциал выражения уверенности в немецком языке у глагола *wollen*, в английском *may/might*. Они прогнозируют скорее сомнение, чем уверенность.

В заключении необходимо отметить возможность формирования определенной шкалы реализации различной степени уверенности в содержании высказывания, которая структурирует как саму коммуникацию, так и межличностное взаимодействие в ней, а также неоднозначность воздействия фактора уверенности на адресата. Успех прогнозирования зависит как от лингвистического фактора (наличия модальных слов со значением уверенности, предположительности, выбора наклонения модального глагола, формы инфинитива), так и от экстралингвистического фактора (знания логики причинной зависимости явлений мира, природы, социума; наличия и полноты сведений; умения экстраполировать имеющуюся информацию в аналогичной ситуации). Соединение всех данных обеспечивает получение максимума информации в небольшом языковом пространстве.

Библиографический список

1. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. – М.: Либроком, 2012. – 422 с.
2. Крашенинникова Е.А. Модальные глаголы в немецком языке. М., 1954. – 312 с.
3. Кристи, А. Хикори Дикори Док. = Hickory Dickory Dock. – М. : Айрис- Пресс, 2004. – 320 с.
4. Becher J. R. Abschied. - Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1959. - 413 S.
5. Bronner H. Unser Vater der Tierarzt. – Stuttgart: Dörnersche Verlagsgesellschaft, 1969. – 235 S.
6. Christie, A. Murder in Mesopotamia = Убийство в Месопотамии. – М. : Айрис- пресс, 2007. – 352 с.
7. Christie, A. The Murder of Roger Ackroyd [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.rutracker.org/forum/viewforum.php?f=2355>
8. Christie, A. Five Little Pigs =Пять поросят. – М. : Айрис- Пресс, 2006. –384 с.
9. Doyle, A. C. The Complete Sherlock Holmes [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=977734>
10. Duden [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duden.de>
11. Feuchtwanger L. Die Geschwister Oppermann. - [Aufbau Verlag GmbH](http://www.aufbauverlag.de), 1979. – 462 S.
12. Macmillan English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british>
13. Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon. - Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1974. – 372 S.
14. Remarque E.M. Drei Kameraden. – Köln: Kiepenheuer @ Witsch, 1991. – 398
15. Seghers A. Der Führer. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1974. – S. 31-47.
16. Stifter A. Der Hagestolz. – Kehl SWAN Buch- Vertrieb GmbH, 1994. – 473 S.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81-112.4

MODELES EXPERIMENTAUX DE L'ANALYSE DU DISCOURS

Saladounikava Tatyana Vladimirovna

Université d'Etat du Bélarus, Minsk

kojarina@yahoo.com

EXPERIMENTAL MODELS OF DISCOURSE ANALYSIS

Saladounikava Tatyana Vladimirovna

Belarusian State University, Minsk

Résumé

L'analyse du discours ne cesse pas d'intéresser des chercheurs travaillant dans les domaines et pays divers. De nombreuses influences disciplinaires de l'analyse du discours aussi que des méthodes de cette analyse se multiplient et s'entrelacent. Cet article constitue une esquisse de l'étude expérimentale effectuée dans le cadre de la thèse de doctorat sur la sémantique et la pragmatique de la toponymie française. Nous montrons ainsi que l'approche utilisée dans notre étude constitue une avenue intéressante car elle s'enracine dans les données, ce qui permet au

chercheur de mettre le discours au centre de sa démarche. Sur l'exemple de cette étude nous proposons l'expérience linguistique en tant qu'un outil efficace de l'obtention de nouvelles connaissances sur les représentations sociales incluses dans les unités toponymiques.

Mots-clés: analyse du discours, expérience, degrés de notoriété, fréquence, toponyme

Abstract

The discourse analysis does not cease interesting researchers working in various domains and countries. Many disciplinary influence of the discourse analysis as the methods of this analysis multiply and intertwine. This article is an outline of the experimental study in the doctoral thesis frame on the semantics and pragmatics of French place names. We show that the approach used in this study constitutes an interesting avenue because it takes root in data, what allows to the researcher to put speech in the centre of his analysis. On the example of this study we offer linguistic experience as an efficient tool of the getting of new knowledge on the social representations included in toponymic units.

Keywords: discourse analysis, experience, degrés of notability, frequency, toponym

1. Introduction

Cet article a pour objectif de présenter les résultats d'une recherche expérimentale de l'analyse du discours, menée en 2011-2013 en France, y compris au sein de l'unité mixte de recherche 8163 « Savoirs, Textes, Language » (Université de Lille 1) et dont les résultats ont été annoncés lors de la soutenance de thèse de doctorat « Toponymie française : aspects sémantique et pragmatique » au Bélarus à Minsk. Selon M. Angenot, l'analyse du discours c'est un « lieu obscur, mal délimité, qui ne recèle pas le Trésor caché d'une grande Méthodologie transdisciplinaire, mais où converge cependant un immense potentiel de notions et d'approches » [1, p. 7]. Les objectifs de cette recherche étaient les suivants :

- déterminer le degrés de notoriété et la fréquence de l'emploi dans le discours des Français des locutions imagées avec un toponyme ;
- vérifier les données obtenues à l'aide de l'enquête auprès d'un groupe d'experts dans le domaine des sciences humaines et sociales ;
- créer un ouvrage franco-russe expliquant des locutions imagées avec un toponyme.

A notre avis, le paramètre comme « degrés de notoriété » joue un rôle crucial dans la communication interculturelle puisqu'il conditionne l'efficacité de la communication même, la compréhension entre les communicants. Jouant un rôle moteur qui dépasse les limites purement linguistiques, ce paramètre permet de repérer les nuances dans le fonctionnement des représentations sociales, cachées derrière un toponyme.

2. Cadre théorique

Les premiers à utiliser l'expérience en tant qu'outil d'obtention de nouvelles connaissances dans l'étude du discours ont été les chercheurs allemands A. Thumb et K. Marbe [2]. A l'origine, l'expérience était surtout utilisée pour étudier les processus psychiques, notamment ceux de généralisation ou de reproduction. Peu après, elle a été utilisée en linguistique pour étudier la sémantique, car la question se posait de savoir ce qui dans les expériences était dû aux facteurs psychiques et ce qui était lié à la langue.

Ces recherches expérimentales ont amené à la création de toute une série d'ouvrages portant sur les résultats des normes associatives. Le premier dictionnaire d'associations verbales a été publié G.H. Kent et A.J. Rosanoff en 1910 [3]. Par la suite, d'autres études ont été entreprises aux Etats-Unis, par exemple W. A. Russel et J. J. Jenkins [4]. Un ouvrage collectif dirigé par L. Postman réunit tous les travaux connus à l'époque sur les normes associatives de l'anglais, du français et de l'allemand (1970). Les premiers travaux russes d'études des normes associatives se sont concrétisées par un premier dictionnaire des normes associatives du russe en 1977 sous la rédaction de A. Leontyev.

A partir des années 1990 l'école de psycholinguistique de Moscou a commencé à élaborer une nouvelle base théorique pour les études d'ethnopsycholinguistique, centrées sur l'analyse de la particularité de la conscience linguistique spécifique d'une culture nationale donnée. L'idée que

l'incompréhension dans la communication interculturelle est due à la différence des consciences nationales des acteurs de la communication est servie de pierre d'achoppement. La recherche de nouvelles voies de travail a amené les spécialistes à la conception de l'ontologie interculturelle de l'analyse des consciences nationales (ethniques), quand les images de la conscience d'une culture nationale sont analysées en comparaison avec celles d'une autre culture. Il a fallu pour cela mettre au point une méthodologie adéquate pour ce type d'analyse contrastive, dans laquelle la langue et la culture sont considérées comme des formes d'existence de la conscience sociale, où se retrouvent l'image de soi (celle de son propre peuple) et l'image de l'autre.

La linguistique contemporaine connaît des procédures d'analyse scientifique de la conscience linguistique matérialisée dans les unités de la langues (les mots). Cet ensemble de notions permet de décrire d'une manière très détaillée et différenciée les significations grammaticales, lexicales, stylistiques, occasionnelles, archaïques des lexèmes. Cependant les linguistes ont toujours senti le besoin d'une description plus globale du contenu du mot, basé sur le fonctionnement réel d'un lexème ou d'une unité lexicale dans le discours.

Les analystes du discours qui effectuent leurs travaux en suivant une démarche méthodologique qualitative ont souvent également recours aux méthodes quantitatives, notamment vu les analyses statistiques et les échantillonnages quantitatifs requis par certaines études. Mais si l'étude quantitative du discours a du sens en soi, il s'agit selon P. Charaudeau d'un « sens provisoire devant être confirmé, corrigé, voire contredit, et en tout cas étendu et approfondi par l'analyse qualitative » [5, p. 84].

L'approche théorique de cette étude se base notamment sur les travaux et les ouvrages de A. Weil-Barais [6], J. Désautels et M. Larochelle [7], C. Flament [8], L. Negura [9], P. Moliner et J.-C. Deschamps [10]. Egalement la recherche effectuée a été inspirée par les études des chercheurs russes comme L. Scherba [11], A. Zalevskaya [12], A. Tchernobrov [13].

3. Méthodologie de l'expérience

L'inconscient collectif d'une société peut être étudié au moyen d'enquêtes sociologiques. Cependant, dans ce cas, on fixe la métaconscience, c'est-à-dire le jugement que portent les sujets de l'expérience sur leur conscience ethnique. L'un des moyens de mise en évidence de la conscience linguistique c'est de s'adresser au discours des locuteurs natifs.

Ainsi dans notre expérience ont pris part des locuteurs natifs français pour qui le français est une langue maternelle. Durant l'expérience aussi que le traitement de ses résultats les critères suivants ont été pris en considération :

- 1) l'âge ;
- 2) le niveau et la spécialisation de la formation ;
- 3) le poste occupé / le travail effectué au moment de la réalisation l'expérience ;
- 4) le lieu d'habitation au moment de la réalisation l'expérience.

Tous les participants à l'expérience ont obtenu un questionnaire qui incluait des locutions imagées avec un toponyme (environ 300 unités) comme par exemple : *Si Paris était plus petit, on le mettrait dans un baril, Vendre des coquilles à ceux qui viennent de Saint-Michel, Ça ne sent pas le papier d'Arménie!, Etre le marquis d'Argencourt, c'est Eldorado ! c'est Byzance ! c'est Bérézina ! etc.*

Comme on peut remarquer, ce sont des locutions de nature très différentes, mais le noyau imagé de chacune d'elles est formé par un toponyme et c'est bien ce fait qui est dans le focus de notre étude.

Les participants devaient indiquer s'ils connaissent ou pas une telle ou telle expression, si oui, marquer s'ils l'emploient souvent ou pas, donner des précisions sur la signification actuelle.

Le nombre de participants a été fixé à 60 personnes vu l'homogénéité des résultats obtenus après le traitement des premières enquêtes.

Après avoir traité toutes les enquêtes, réalisées auprès des Français « types », nous avons pris la décision de nous adresser à un groupe d'experts afin de confirmer ou refuter les résultats reçus. Le rôle des experts a été joué par les membres de l'unité mixte de recherche 8163 « Savoirs,

Textes, Language » (Université de Lille 1), spécialistes dans le domaines des sciences humaines et sociales.

4. Résultats de l'expérience

Selon les réponses des personnes interrogées, les expressions fondées sur un jeu des mots, un calembour, dont à la base il y a un toponyme imaginaire (*Argencourt, Crevant*), ou réel (*Bavière, Cornouaille, Cracovie*) sont peu connues y compris dans le groupe des experts, même si la signification de ces expressions est transparente : *aller à Dormillon, aller à Montretout, aller / battre à Niort, prendre le chemin de Niort* etc. Quand même les expressions marquées comme connues de ce type sont : *Eldorado, Pétaouchnok, pays de Cocagne, mat de Cocagne, au diable Vauvert, aller jusqu'à Tataouine, vie de Cocagne*.

Parmi les proverbes avec un toponyme les plus connus et les plus utilisés (de 90 à 65% des participants) sont : *Tous les chemins mènent à Rome, Rome / Paris ne s'est pas fait en un jour, avec des si, on mettrait Paris en bouteille, Paris appartient à ceux qui se lèvent tôt*. Il est à noter que le nombre des personnes indiquant connaître une telle ou telle expression est beaucoup supérieure à celui des personnes qui l'utilisent indifféremment à l'âge, à la formation et au lieu d'habitation. Le degré de notoriété des proverbes avec un toponyme local comme par exemple *Abbas, Armançon, Saint-Malo, Coutances* est conditionné géographiquement : les gens habitant ce lieu en question ou ayant jamais habité là-bas ou à proximité connaissent une telle ou telle expression.

Parmi les citations avec un toponyme incluses dans l'enquête les plus connues (de 90 à 65% des participants) sont celles de Ch. de Gaulle *La France a perdu une bataille, mais n'a pas perdu la guerre*, de Henri IV *Paris vaut bien une messe!*, de H. de Balzac *À nous deux Paris*. Moins de la moitié des communicants ont noté comme connues les citations de Ch. de Gaulle *La France ne peut être la France sans la grandeur, Tout homme qui écrit – et qui écrit bien, sert la France*; de J. du Bellay *France, mère des arts, des armes et des lois*; de M. Aymé *Quand Paris se sent morveux, c'est la France toute entière qui se mouche*; de A. Daudet *En France tout le monde est un peu de Tarascon*; de Ch.- L. Montesquieu *C'est Paris qui fait les Français*. La connaissance et l'utilisation des citations avec un toponyme sont avant tout liées au niveau et à la spécialisation de formation. Ces citations sont principalement connues à des personnes au profil philologique ou juridique.

75 % des communicants ont marqué comme connues mais peu utilisées les périphrases avec un toponyme du genre : *l'oeil de Moscou, oncle d'Amérique, crétin des Alpes*. Environ 50 % ont noté *les enfants de la France, la perfide Albion, la bergère de Domrémy, la pucelle d'Orléans*.

Le plus vaste groupe d'unités entrées dans l'enquête est représenté par les expressions figées avec un toponyme ou un toponyme imagé lui-même, comme par exemple : *C'est la forêt de Bondy, éprouver une joie de Marsal, arriver comme les pompiers de Nanterre, Pétaouchnok, Eldorado*.

Pour 90–95 % des personnes interrogées les plus connues aussi que les plus utilisées sont les expressions bibliques comme *cheval de Troie, franchir / passer le Rubicon, tour de Babel, Capharnaüm, Sodome et Gomorrhe, trouver son chemin de Damas, calvaire / la montagne du Calvaire*. Ensuite viennent les constructions du type *C'est (la vraie) Bérézina! C'est Byzance! Ce n'est pas le Pérou / C'est le (du) Pérou ! C'est Verdun !*

Dans le groupe d'expressions bien connues et utilisées sont également entrées celles qui sont fondées sur un événement historique significatif ou liées à des stéréotypes : *Coup de Trafalgar, de France et de Navarre, le vase de Soissons, le Grenelle, rencontrer son Waterloo être de Marseille, l'oeil de Moscou, boire/faire en/le Suisse*.

Grâce à cette expérience nous avons pu définir les expressions vieilles ou peu usitées ce qui, d'ailleurs, n'est pas encore affiché dans les dictionnaires de référence : *aller voir le roi de Prusse, travailler pour le roi de Prusse, pas d'argent, pas de Suisses, aller / envoyer à Pampelune*. Les faits de ce type témoignent, à notre avis, de la grande mobilité de la toponymie imagée ce qui nécessite la fixation cohérente dans les ouvrages spécialisés.

Il est à noter que le groupe d'experts a confirmé les résultats obtenus dans le groupe des natifs ordinaires. Pourtant nous jugeons cette étape très importante, nous permettant d'avoir des remarques pertinentes sur la signification et l'emploi des unités étudiées.

5. Conclusion

L'esquisse de l'étude présentée dans l'article donné nous a permis de déterminer le degré de notoriété et la fréquence de l'utilisation des locutions imagées avec un toponyme, d'identifier le rôle de ces unités dans le discours des locuteurs natifs, de préciser les significations actuelles. Les résultats obtenus nous ont donné la possibilité de créer un ouvrage spécialisé dont le titre « Paris vaut bien une messe, ou Pourquoi dit-on comme ça en français » [14]. Dans cet ouvrage du type encyclopédique nous proposons au lecteur un vaste répertoire des locutions toponymiques avec leur traduction / interprétation en russe et les commentaires étymologique, linguistique et pragmatique. N'étant pas exhaustif, cette étude aussi que l'ouvrage d'en résultant n'est qu'un essai dans le domaine de l'étude expérimentale du discours.

Références bibliographiques

1. Angenot M. Les discours et leurs analystes : remarques sur la diversité des analyses de discours et sur les tâches présentes / M. Angenot // Des analyses de discours. - Québec : CÉLAT, Université Laval, 1989. – pp. 3-10.
2. Thumb A., Marbe K. Experimentelle Untersuchungen über die psychologischen Grundlagen der sprachlichen Analogiebildung / A.Thumb, K. Marbe. – Leipzig: W. Engelmann, 1978. – 108 p.
3. Kent G.H. A study of association in insanity / G.H. Kent, A.J. Rosanoff // Amer. J. of Psychiatry. – 1910. – Vol. 67, № 2. – P. 317–390.
4. Russel W. A., Jenkins J. J. The complete Minnesota norms for responses to 100 words from the Kent-Rosanoff word association test / W. A. Russel, J. J. Jenkins. – Minneapolis: University of Minnesota, 1954. – 84 p.
5. Charaudeau P. (2009). Dis-moi quel est ton corpus, je te dirai quelle est ta problématique / Charaudeau P. // *Corpus*. – № 8. – 2009. – pp. 37–66.
6. Weil-Barais, A. (1993), L'homme cognitif / A. Weil-Barais. – Paris, PUF, 2011. – 623 p.
7. Désautels J. & Larochelle M. Étude de la pertinence et de la viabilité d'une stratégie de formation à l'enseignement des sciences. Rapport de recherche présenté au conseil des recherches en sciences au Canada / Désautels J. & Larochelle M. – Laval, Faculté des sciences de l'éducation, Université Laval, 1994. – 548 p.
8. Flament C. Structure, dynamique et transformation des représentations sociales / C. Flament // *Pratiques sociales et représentations*. – Paris : PUF, 1994. – pp. 37–57.
9. Negura L. L'analyse de contenu dans l'étude des représentations sociales, *SociologieS* // Théories et recherches. – 2004. – [Ressource électronique]. URL : <http://sociologies.revues.org/993> (date d'accès: 10.01.2016).
10. Moliner P., Deschamps J.-C. (2012) L'identité en psychologie sociale : des processus identitaires aux représentations sociales / P. Moliner, J.-C. Deschamps. – Paris: Armand Colin (Collection Cursus. Série Psychologie, ISSN 1258-2476), 2012. – 215 p.
11. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность: Опыт общей теории лексикографии / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
12. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
13. Чернобров А.А. О достоинствах и недостатках количественных эмпирических методов в лингвистике (обзор ассоциативных экспериментов с собственными именами за 1993–1999 гг. / А.А. Чернобров // Новосибирский государственный педагогический университет [Электронный ресурс]. URL : <http://www.nspu.ru/~applied/OUAL2000/chernobr.htm> (дата доступа : 01.01.2016).
14. Кожарина, Т.В. Париж стоит мессы, или Почему так говорят по-французски / Т.В. Кожарина. – Минск : Четыре четверти, 2012. – 106 с.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

ПРАГМАТИКА УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Герасимова Светлана Анатольевна, Осовитная Кристина Игоревна
Московский городской педагогический университет, г. Москва
gerasvetlana@yandex.ru, xtina-95@mail.ru

PRAGMATICS OF EDUCATIONAL EDITIONS ON THE FOREIGN LANGUAGE

Gerasimova Svetlana Anatolyevna, Osovitnaya Christina Igorevna
The Moscow City Teachers' Training University

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о письменной педагогической коммуникации. Выявление роли письменной педагогической коммуникации в создании учебных изданий по иностранному языку позволяет успешно решать учебно-познавательные задачи, направленные на усвоение содержания в конкретной предметной области иностранный язык и помогать учиться самим учащимся.

Ключевые слова: письменная педагогическая коммуникация, иностранный язык, учебник иностранного языка.

Abstract

In article the question of written pedagogical communication is considered. Identification of a role of written pedagogical communication in creation of educational editions on a foreign language allows to solve successfully the educational and informative problems directed on assimilation of the contents in concrete subject domain a foreign language and to help to study pupils.

Keywords: written pedagogical communication, foreign language, foreign language textbook

Особое значение при преподавании иностранного языка (далее – ИЯ) приобретает направленность коммуникативных отношений. Организация педагогического процесса как общения, взаимосвязи, сотрудничества на основе приема, переработки и передачи информации, личностных смыслов и ценностных отношений составляет сущность педагогической коммуникации.

Были выделены следующие особенности педагогической коммуникации [5, с. 7]:

1. Направленность на процессы развития личности и ее самореализацию;
2. Культуросообразность деятельности и общения;
3. Этичность взаимодействия;
4. Неоднозначность процессов взаимодействия и их многофакторность;
5. Процессуальность коммуникации и общения

Для нас важным является указание на данные особенности педагогической коммуникации как одной из основных составляющих педагогического дискурса.

При исследовании педагогического дискурса как институционального явления исследователи предлагают разделить дискурс на личностно-ориентированный и статусно-ориентированный [3, с. 299]. Базовым критерием в педагогической коммуникации является отношение между участниками общения, которое можно определить как статусно-ролевое (педагоги / обучающиеся).

При рассмотрении педагогической коммуникации речь идет о профессиональном общении педагогов-практиков и обучающихся как в устной, так и в письменной форме. Согласно Толковому переводоведческому словарю, письменная коммуникация трактуется как «процесс порождения, передачи и восприятия письменных высказываний» [4, с. 153]. Для передачи информации в рамках учебного процесса обучающемуся используется не только устное общение, но и учебник ИЯ, где каналом передачи является само содержание учебного издания. Значит можно говорить о том, что для такого учебного предмета как ИЯ характерна письменная форма педагогической коммуникации.

Помимо знания ИЯ как средства общения, коммуниканты, то есть авторы учебных изданий и те, для кого данные издания предназначены, должны обладать одинаковым или близким пониманием коммуникативной ситуации. Высокий уровень потребности автора учебников ИЯ (педагога / издателя) в установлении диалогических отношений с потенциальным читателем (педагогом / обучающимся) играет большую роль в повышении коммуникативного потенциала данного издания.

Письменная педагогическая коммуникация в учебных изданиях по ИЯ – это организация процесса педагогического общения, носящая *дистантный характер* и объединяющая в себе характеристики коммуникации как «совокупности коммуникативных способностей, качеств, умений и навыков, направленных на передачу, получение и преобразование информации в процессе межличностных отношений, а также на установление и поддержание контакта» [1, с. 10]. Выступая в роли медиатора определенного знания, педагоги несут ответственность за содержание и качество информации, предлагаемой в учебных изданиях.

Учебник, учебное издание по ИЯ активно включены в социальную жизнь, прежде всего – в жизнь молодого поколения. В современных условиях обучения эта форма письменной педагогической коммуникации должна выдерживать достаточно жесткую конкуренцию с более новыми формами (аудиокниги, презентации, электронные учебники, дистанционное обучение). Исходя из данной конкуренции, можно сделать вывод о том, что задача автора учебника или учебного издания по ИЯ не просто зафиксировать, описать и интерпретировать какие-то научные факты, но и передать их таким образом, чтобы вызвать интерес у обучающихся. Ориентируясь на возрастные и психологические особенности аудитории, участвующей в письменной педагогической коммуникации, авторы учебных изданий по ИЯ должны, прежде всего, решать учебно-познавательные задачи, направленные на усвоение содержания в конкретной предметной области (ИЯ) и помогать учиться самим учащимся.

Соответственно, тенденции в письменной педагогической коммуникации, воплощенной в учебниках и учебных изданиях не могут складываться стихийно. Для нас представляется значимым мнение В.Е. Чернявской [6, с. 135], которая характеризует коммуникативный процесс как приводящий прежде всего к образованию такой структуры как текст. Именно письменные тексты учебного издания являются важной формой языкового общения в педагогической деятельности. С помощью высказываний, складывающихся в тексты, упражнения, задания учебника или учебного издания по ИЯ преподаватель передает знания и оказывает педагогическое воздействие на учащегося, а тот, в свою очередь, интегрирует полученные знания в свою систему знаний.

Исходя из этого, взгляд на учебники ИЯ имеет как лингвистическую, так и педагогическую направленность, что позволяет понять, как формировались и создавались те или иные учебные издания по ИЯ, как отражены в них те или иные языковые явления, которые характеризуют их состояние. Так как языковые явления существуют в связи друг с другом, образуя целостную языковую систему, то изменение тех или иных параметров учебника ИЯ, исключение старого, внесение новой информации влечёт за собой изменение всех остальных составляющих учебника [7, [http](#)].

Процесс общения авторов с потребителями учебников (учащимися, их родителями) носит дистантный характер и авторы лишены возможности напрямую общаться с читателем,

следовательно функцию общения (передачи смысла) берут на себя сами учебники ИЯ, которые с одной стороны, представляют собой информативный блок, а с другой – блок средств, организующих общение.

Успешность использования учебных изданий по ИЯ в педагогическом общении возможна при соблюдении следующих принципов письменной педагогической коммуникации [2, с. 46]:

- принцип субъектности и природосообразности, когда информация адаптируется к интеллектуальным и психофизиологическим особенностям обучающегося и учитывает его потенциальные возможности;

- принцип ценностной ориентации, предписывающий предъявление ценности для ее осмысления и проживания личного ценностного отношения;

- принцип информативности, уменьшающий меру неопределенности знания, восполняющий недостаток знаний о лицах, предметах, событиях и т.д.;

- принцип научности, способствующий становлению и развитию научной картины мира.

Таким образом, можно говорить о том, что письменная педагогическая коммуникация, воплощенная в учебниках ИЯ представляет собой коммуникативно-речевые акты, направленные на достижение основных, прежде всего прагматических, педагогических целей: обучение и воспитание личности, передача знаний и ценностей, социализация обучающихся.

Библиографический список

1. Астафурова Т.Н. Стратегия коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (Лингвистический и дидактический аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / МГПУ. – М., 1997. – 41 с.
2. Герасимова С.А. Диалогичность как фактор оптимизации коммуникативного потенциала методической записки. – Французский язык и культура Франции в России XXI века: материалы XV международной научно-практической конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрелиной. Нижний Новгород 27 - 28 сентября 2011 г. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. – С. 38-42
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград.: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд, перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
5. Троянская С.Л. Педагогическая коммуникация: методология, теория и практика. Учебное пособие. – Ижевск: УдГУ, 2011. –148 с.
6. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
7. Энциклопедия русского языка. Русский язык. – Режим доступа: <http://russkiyazik.ru/254/>, свободный, дата обращения: 20.01.2016

УДК 811.161.1

АССИМИЛЯЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

Усачев Вадим Анатольевич, Усачева Галина Михайловна

Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского,

Донецкий государственный университет управления

ASSIMILATION OF FOREIGN-LANGUAGE BORROWINGS IN ENGLISH SPEECH

Usachev Vadim Anatolyevich, Usacheva Galina Mikhaylovna

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-
Baranovsky,
Donetsk State University of Management

Аннотация

Статья посвящена проблемам ассимиляции иноязычных заимствований в английском языке, в результате которых пополняется словарный запас языка и увеличивается процент иноязычных элементов, вносящих разнообразие и серьезно изменяющих язык.

Ключевые слова: ассимиляция, язык, процесс, заимствования, лексика, слово, элемент, источник, происхождение, свойства.

Abstract

The article is devoted to the problems of assimilation of foreign-language borrowings in English, which resulted in updated language vocabulary and increases the percentage of foreign-language elements, introducing variety and seriously change the language.

Keywords: assimilation, language, process, drawing, vocabulary, word, item, source, origin, properties.

Процесс заимствования иноязычной лексики присущ любому языку во все периоды его развития, потому что языки не существуют в полной изоляции. Изучение языкового заимствования имеет большую традицию и в зарубежном, и в отечественном языкознании. Явление заимствования оказывает большое влияние на язык, вызывает в нем серьезные изменения.

Теме заимствований посвящены труды многих исследователей. Актуальность ее со временем не теряется, а наоборот, усиливается, так как процесс заимствования из других языков постоянно растет. Проблемой заимствования в языках и их ассимиляции занимались такие лингвисты и ученые в области лексикологии, как Л. В. Щерба, О. Э. Бондарец, Л. Блумфилд, Е. Хауген, В. Н. Ярцева, А. А. Потебня, В. А. Звягинцева, Бодуэна де Куртенэ, У. Вайнрайх, Ю. В. Рождественский, Ф. М. Березина и многие другие.

Заимствование является процессом, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент. Это один из основных источников пополнения словарного запаса языка [3, с. 144]. Заимствование в языках является одним из важнейших факторов их развития. Процесс заимствования лежит в самой основе языковой деятельности.

Процент заимствованных элементов в языках очень велик, хотя точно подсчитать его количество не представляется возможным, как по причине постоянного увеличения количества иноязычных элементов, проникающих в язык, так и вследствие действия процесса ассимиляции, который затрудняет возможность установить происхождение слова.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы ознакомиться с процессом ассимиляции иноязычных заимствований в английском языке, с учетом существования различных мнений по данному вопросу.

Доля заимствованных элементов в языках велика, хотя точно подсчитать их количество не представляется возможным, как по причине постоянного увеличения количества иноязычных элементов, проникающих в язык, так и вследствие действия процесса ассимиляции, который затрудняет возможность установить происхождение слова [5, с. 108]. Нужно отметить, что иноязычное слово принимается в язык в том виде, в котором оно употреблялось в языке-источнике.

Большинство слов английского языка являются заимствованными – в более раннюю или позднюю эпоху, из близкой или далекой языковой системы. Считается, что если рассматривать словарный состав английского языка, то все входящие в него слова следует считать английскими, за исключением таких слов, которые своей формой выдают своё иностранное происхождение. Но таких слов в английском языке сравнительно мало. Большинство слов воспринимается в современном языке как слова английские, каково бы ни было их действительное происхождение. На самом же деле исконно английскими являются слова, известные с древнеанглийского периода. Возможно, они составляют лишь половину английской лексики. Остальная часть словарного языка – это слова иноязычного происхождения, пришедшие в английский язык в разные периоды из латинского, греческого, французского и скандинавских языков.

Языки могут не только принимать элементы других языков, но и передавать их, выступая посредниками в цепочках заимствований. После вхождения в язык заимствование подвергается процессу ассимиляции, иными словами, процесс адаптации слова к иной языковой системе, выражающейся в изменении произношения, написания слова, изменении его грамматических свойств в соответствии с правилами принимающего языка. Одним из таких изменений, происходящих со словом в процессе его заимствования с другим языком и функционирования в нем, является демотивация, в результате которой затрудняется морфемный анализ слова. Процесс ассимиляции проходит постепенно, вследствие чего слова находятся на разных его этапах и относятся к разным категориям. Данные слова можно разделить на определенные категории и представить их в следующей классификации: 1) полностью ассимилированные слова, то есть слова, соответствующие всем фонетическим, морфологическим и орфографическим нормам заимствовавшего языка, не воспринимаемые как иноязычные; 2) слова, не ассимилированные грамматически; 3) слова, не ассимилированные семантически, так как они обозначают понятия, связанные с другими странами и не имеющие эквивалента в принимающем языке; 4) полностью не ассимилированные слова, или варваризмы [8, с. 80].

Также, хотелось бы отметить, что важное влияние оказали заимствования на грамматику английского языка. Одним из следствий процесса заимствования являются интернациональные и псевдоинтернациональные слова. Интернациональными называются слова, получившие распространение во многих языках мира в результате одновременного заимствования из нескольких языков. Принято считать, что для вхождения слова в систему заимствующего языка требуются следующие условия: передача иноязычного слова фонетически и грамматически средствами заимствующего языка; соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка; семантическое освоение, а именно, определенность значения и регулярная употребляемость его в речи. При заимствовании происходит адаптация слова к фонологической системе заимствующего языка, это значит, что отсутствующие в ней звуки заменяются на наиболее близкие. Эта ассимиляция может происходить постепенно. Помимо фонетической, заимствованное слово подвергается, как мы указали выше, грамматической ассимиляции. Характер этой ассимиляции зависит от того, насколько внешний облик заимствованного слова соответствует морфологическим моделям заимствующего языка. Кроме того, в английской лексике можно констатировать ещё греческий, скандинавский, итальянский и испанский слои, а также отдельные слова, заимствованные почти из 50 языков мира. Заимствованные лексические единицы составляют почти 65% словарного состава английского языка и включают пласты лексики, заимствованные в различные исторические эпохи и под влиянием различных условий развития. Среди них можно выделить исторические, географические, социальные, экономические и культурные условия. Устойчивость заимствованных слов в языке зависит от различных причин, наиболее важной из которых является способность нового слова адекватно выражать новое понятие или оттенок уже известного понятия. Заимствованные слова из других языков, если они удерживаются в языке, обычно оформляются по фонетическим и морфологическим законам заимствовавшего языка.

Английский язык более склонен воспринимать заимствованные слова в их первоначальной форме, чем переводить их с помощью исконных элементов, как это делается в других языках. Подавляющее большинство слов, заимствованных английским языком, были преобразованы по соответствующим моделям слов английского языка [7, с. 152]. Однако часто иностранные слова, так называемого книжного заимствования, какое-то время сохраняют свой внешний иностранный облик. Это проявляется, в частности, в сохранении необычного для английского языка места ударения, графического образа слова, и, даже иногда, произношения.

Процесс ассимиляции может быть настолько глубоким, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями английского языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа [1, с. 212]. Это наиболее ярко проявляется, например, в скандинавских и латинских заимствованиях типа *get, skill, sky, skirt, skin, they* и других. В отличие от полностью ассимилировавшихся и усвоенных заимствований частично ассимилировавшиеся иноязычные слова сохраняют следы своего иностранного происхождения в виде фонетических, грамматических и семантических особенностей. С целью адекватного их описания в лингвистических словарях английского языка лексикографами широко используется энциклопедическая информация, сообщающая о местах распространения, формах существования, способах применения обозначаемых объектов и явлений [6, 685].

Поскольку процесс ассимиляции иноязычных элементов начинается с момента введения их в язык переводчиками, следует сказать несколько слов о технике перевода специфических иностранных наименований. При переводе слов и выражений с неясным ассоциативным значением, а также при переводе наименований реалий могут быть применены транскрипция, реже транслитерация, калькирование и объяснительный перевод, то есть передача значения иностранного слова или словосочетания средствами родного языка без сохранения мотивировки и формы [10, с. 53].

В результате влияния на английский язык других языков в его словарном составе произошли определенные изменения, среди которых хотелось бы отметить следующие:

а) в английском языке появилось много иноязычных словарных единиц, особенно слов, заимствованных из французского, латинского и греческого языков. Знание значений наиболее распространенных корней греческого и латинского происхождения помогает раскрыть мотивацию заимствованных слов и понять их значение.

б) в английском языке появились иноязычные словообразовательные элементы, к которым можно отнести аффиксы, не заимствующиеся отдельно, а вычленившиеся из потока заимствованных слов. В английском языке много латинских и французских аффиксов: *anti-, re-, pro-, counter-, -ism-, -age-, -able-, -ous*.

в) появилось много разных по стилю, оценочно неадекватных синонимов.

г) одним из следствий заимствования стало возникновение этимологических дублетов. Этимологическими дублетами являются слова, этимологически восходящие к одной и той же основе, но имеющие в языке различное значение, произношение и написание. Например: *catch* и *chase*, *goal* и *jail*, *channel* и *canal*. Одно и то же слово могло заимствоваться в разное время и из разных источников. Следует подчеркнуть, что в английском языке процент заимствований значительно выше, чем во многих других языках. Английский язык больше чем какой-либо другой язык имел возможность заимствовать иностранные слова в условиях прямого непосредственного контакта. Большинство существующих в настоящее время этимологических дублетов, как отмечает И. Н. Багинская, являются дублетами романского происхождения [2, с. 214]. Однако имеются также англо-скандинавские дублеты и исконно английские.

д) в результате заимствований английский язык пополнился многими интернациональными словами. Интернациональные слова являются этимологическими дублетами, происшедшими в большинстве случаев от греческих и латинских корней.

Заимствования отразились и на характере словообразования современного английского языка. Прежде всего, благодаря многочисленным лексическим заимствованиям система морфем английского языка обогатилась целым рядом словообразовательных аффиксов, суффиксов и префиксов. В связи с этим появились так называемые гибридные слова, то есть такие, в которых аффикс иноязычного значения, а корень - английский.

Массовый характер заимствований, наконец, приводил к затемнению морфологической структуры слова [9, с. 76]. Дело в том, что вместе с заимствованными словами в английский язык проникали иноязычные словообразовательные средства, нередко отражающие словообразовательные нормы того языка, из которого данные слова заимствовались. Поэтому в английском языке существует много слов, с трудом поддающихся морфологическому анализу. Влияние заимствований отразилось и на акцентуации. Оно сказывается в наличии разных принципов и тенденций в словесном ударении в современном английском языке.

Таким образом, необходимо отметить, что причины заимствования иноязычных слов и оборотов, их ассимиляция в разные исторические периоды формирования и развития английского языка были различны. Для изучающих процессы заимствования и ассимиляции остаётся множество вопросов, которые требуют разрешения. Изучающих данный вопрос интересует не только откуда и почему пришло заимствованное слово, но и как оно ассимилировалось в языке, как подчинилось его грамматическому строю и фонетическим нормам, как изменило своё значение и какие изменения повлекло его появление в словарном составе языка. Процесс ассимиляции может быть настолько глубоким, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями английского языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа. Попав в английский язык, заимствованные иноязычные слова на протяжении длительного времени подвергались процессу ассимиляции, который заключался в преобразовании их звукового облика, грамматической структуры и смыслового содержания по внутренним законам английского языка [4, с. 266]. Заимствования из других языков подвергались фонетической, лингвистической, грамматической и другим видам ассимиляции, в результате чего английский язык, принимая слова из других языков на протяжении длительного времени пополнял и обогащал свой лексический состав, и процесс этот интенсивно продолжается и не прекратится пока будет существовать данный язык.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. // Учебное пособие. // Изд-во литературы на иностранных языках.- М: Изд-во Академии наук СССР, 1959, с. 212.
2. Багинская И. Н. К проблеме ассимиляции заимствований.- М.: Наука, 2005, с. 214.
3. Бондарец О. Э. Иноязычные заимствования в речи и языке: лингвосociологический аспект/под ред. Инфантовой, Г. Г.-Таганрог: Изд-во Таганрогский гос. пед. ин-та, 2008, с. 144.
4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Проблемы языкового родства // Избр. тр. По общему языкознанию.// М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т.2, с. 266.
5. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М., 2002, с. 108.
6. Лингвистический Энциклопедический словарь М., 1960, с. 685.
7. Секирин В. П. Заимствования в английском языке. Киев: Изд-во Киевского университета, 1964, с. 152.
8. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – Вып. VI. – М., 1972, с. 80.
9. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике.- Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958, с. 76.
10. Ярцева, В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка / В. Н. Ярцева // Типология грамматических категорий. – М., 1975, с. 53.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

**О КОНСТРУКЦИЯХ И КОНСТРУКТИВИСТСКОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ
МОДЕЛЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Петрова Инна Михайловна

Московский городской педагогический университет

**CONSTRUCTIONS AND CONSTRUCTIONIST APPROACH TO THE SENTENCE
PATTERNS ANALYSIS OF LANGUAGE (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)**

Petrova Inna Mikhaylovna

Moscow City Teacher Training University, Moscow

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению понятия «конструкции» в рамках современных конструктивистских исследований природы языка. Понятие «конструкция» определяется на основе анализа общности формы и содержания структуры, который позволяет делать выводы об универсальном характере явления для языковой действительности.

Ключевые слова: конструкция, нетипичные синтаксические образования, аспектность высказывая, конструктивистский подход

Abstract

The article deals with the concept of ‘constructions’ in the frame work of current constructionist research of the nature of language. Constructions - form and meaning pairings – are recognized as the part of sentence patterns analysis. This allows to draw conclusions about their universal nature and can shed light on more general issues of language.

Keywords: constructions, unusual constructions, aspects of utterance, constructionist approach

В начале 2000-х годов внимание лингвистов вновь привлекла оппозиция «форма-содержание». Интерес к этому явлению был обусловлен потребностью, рассмотреть полный спектр факторов, связанных с языком, с учетом современных знаний о языке. В результате, конструктивистский подход получил широкое распространение в лингвистических исследованиях. Многие специалисты отмечают значимость конструкций как когнитивно-семиологических сущностей, формирование которых предопределено процессами категоризации и концептуализации в языке (А. Голдберг, П. Кей, Ч. Филлмор, Э. О’Дауд, М. Фершпор, Р. Дирвен, Д. Болинджер и др.). Наряду с этим, рассматриваются данные образования и в современных исследованиях российских лингвистов, например, в работах, посвященных гендерной проблематике [1;2;3;4;5;6] или связанных с изучением отдельных аспектов репрезентации структуры в языке [7]. Исследователи данного направления полагают, что необычные синтаксические образования (конструкции – далее) могут служить источником более полного анализа языковой действительности и дают возможность представить описание конкретного языка в более полном объеме.

Цель данной статьи – рассмотреть понятие конструкции, которое используется в современных конструктивистских исследованиях языка, и определить перспективность этого похода для исследования отдельных вопросов в рамках теоретической грамматики английского языка.

Под конструкциями понимается прежде всего единое образование, сочетающее в себе значимость формы и содержания [8, с.219]. Подобные структуры всегда служили источником вдохновения для исследователей в области грамматики ещё с времен Аристотеля. Исследование этого явления позволило ученым сформировать наше понимание как отдельно взятых языков, так и всей природы языка в целом. Но только в настоящее время сформировался теоретический подход к анализу этого явления, который позволяет делать достаточно широкие и полные обобщения относительно такого рода структур как в узком, так и широком контексте, учитывая давно устоявшиеся традиции их лингвистического исследования. Это в некоторой степени выступает в качестве противопоставления такому широко распространенному подходу, который сформировался в рамках генеративной грамматики, начиная с известной работы Н. Холмского в 1957 году [9].

Работы многих лингвистов, занимающихся исследованиями в различных направлениях, привели к формированию общих воззрений, получивших название «конструктивистского подхода» [10;11;12;13;14;15 и др.]. Конструктивистский подход разделяет определенные базовые идеи генеративного подхода. Данные подходы едины в рассмотрении языка в качестве определенной когнитивной системы, в признании того факта, что в результате комбинирования различных структур языка создается возможность порождения нового высказывания, а также в понимании необходимости выработки новых моделей обучения языку, обусловленной наличием ряда новых фактов, полученных в результате исследования языковой действительности с помощью данных моделей.

Однако имеется ряд существенных отличий между данными подходами, а именно: как полагают, при конструктивистском подходе раскрытие природы языка может быть достигнуто путем изучения формальных структур вне зависимости от их семантики или дискурсивных функций. Значение строится на основе ментального словаря, при этом, функциональные различия между формальными моделями в значительной степени игнорируются. Не типичные структуры рассматриваются как «периферийные» в отношении «базового языка». В общепринятой генеративной теории считается, что сложность базового языка нельзя изучать индуктивно, применяя общие когнитивные механизмы и, следовательно, обучаемые должны иметь врожденную предрасположенность к тем принципиальным структурам, которые специфичны для языка в целом, так называемая «универсальная грамматика».

Рассмотрим подробнее основные принципы конструктивистского подхода. Каждый принцип, представленный ниже, характерен для конструктивистского подхода в целом. Они представляют основное отличие от общепринятого генеративного подхода и, в большинстве случаев, отражают более традиционный взгляд на природу языка.

1. Все уровни описания понимаются в соотношении дихотомии формы и семантики, либо формы и дискурсивной функции, включая морфемы, например, anti-, pre-, -ing или слова avocado, anaconda, and; идиомы going great guns, а также частично лексически наполненные словосочетания типа: Jog (someone's) memory и др;

2. внимание уделяется мельчайшим аспектам, связанным с тем, как мы понимаем события и обстоятельства;

3. относительно синтаксической формы принят подход: «имеем то, что видим». Глубинные уровни синтаксиса или какие-либо фонологические элементы не принимаются в расчет;

4. изучение конструкций осуществляется на основе ввода и общих когнитивных механизмов (они созданы), и ожидается, что они варьируются в зависимости от языка;

5. межъязыковые обобщения объясняются посредством апелляции к когнитивным трудностям наряду с функциями, которые выполняют данные конструкции;

6. обобщения, относящиеся к специфическим проблемам языка, в рамках исследования конструкций осуществляются на основе врожденных связей, подобных тем, которые обнаруживаются при формировании наших лингвистических знаний;

7. полнота наших знаний о языке достигается посредством создания сети конструкций, выполняющих различные функции.

Перейдем к более подробному рассмотрению понятия «конструкции» в рамках исследуемого подхода.

Конструкции – это языковые образования, в которых их форма и их функция, выступают как равнозначные элементы. В структуру таковых исследователи включают как отдельные морфемы, например, *anti-*, *pre-*, *-ing*, либо слова *avocado*, *anaconda*, *and*; идиомы *going great guns*, а также частично лексически наполненные словосочетания типа: *Jog (someone's) memo* и др. Любая лингвистическая структура считается конструкцией в случае, если определенный аспект ее формы или функции не является строго зависимым от ее составных частей или от других существующих конструкций. В дополнение, многие конструктивисты заявляют, что структура является фиксированной, даже если она полностью зависима, в случае высокой частотности ее употребления.

В отличие от общепринятой генеративной грамматики, в рамках конструктивистского подхода акцент делается на семантике и дистрибуции определенных слов, грамматических морфем, а также на нетипичных моделях словосочетаний, характерных для различных языков. В основе данной методологии лежит гипотеза о том, что множество семантических, прагматических и сложных формальных ограничений, наложенных на такие структуры, распространяется и на более общие, простые и регулярно употребляемые модели.

В качестве примера нетипичной модели рассмотрим разговорную конструкцию условного наклонения, типа: *The Xer the Yer: "The more you read about it, the more you understand the problem"*.

Данная конструкция может быть рассмотрена как включающая «независимую переменную» (определяемую первой фразой) и зависимую переменную (определяемую второй фразой). Артикль *the* обычно стоит в начале фразы перед существительным. В данной конструкции сравнительный оборот обязателен. Две основные структуры данной фразы можно классифицировать, согласно Голдбергу А., как именное словосочетание (*noun phrase*), либо как придаточное предложение (*clause*). Соединение данных частей конструкции беспредложным способом является еще одним необходимым условием, которое сложно предсказать. Поскольку данная модель не представляется строго предсказуемой, конструкции предписываются определенная форма и семантическая функция [14].

В качестве примера необычных конструкций можно привести, например, структуры, которые достаточно подробно описаны, типа:

What's X doing Y? – What's that fly doing in my soup? [16]

Noun-Pronoun-Noun (NPN) house by house; day after day. [17]

Хотя многие подобные структуры используются в основном в разговорной речи, они являются частью активного словаря носителя английского языка. Связанные предложные конструкции в данном случае не рассматриваются, т.к. они типичны только для определенных германских языков. Более общие структуры, такие как, страдательный залог, придаточные определительные предложения и др. рассматриваются как дуальная пара формы и функции (семантической или дискурсивной) и могут считаться конструкциями. Каждое из этих образований сочетает в себе определенные формальные характеристики и конкретную коммуникативную функцию.

Даже модели простых предложений могут быть отнесены к образованиям, входящие в состав группы рассматриваемого понятия «конструкции». Так, в этом случае, смысловой глагол в предложении понимается как элемент аргументативной конструкции (например, переходная конструкция, непереходная конструкция). [14] Нестандартность подобной структуры подчеркивается тем предположением, что форма и общая интерпретация моделей

простых предложений определяется семантической и/или синтаксической информацией, заложенной в семантике смыслового глагола.

В качестве пример рассмотрим следующие предложения:

1. Ben gave Kate a book.
2. Kate put the book on the table.

Очевидно, что модели данных предложений определены семантическими значениями глаголов to give и to put соответственно.

Так, to give включает в себя три компонента значения – аргументации:

1. Агента действия – лицо, которое выполняет акт передачи предмета;
2. Реципиента – лицо принимающее предмет;
3. Тему – то, что подлежит акту передачи.

Соответственно: Ben – агент действия, Kate – реципиент, а book – тема. Данные три компонента структуры являются атрибутом рассматриваемого глагола.

Глагол to put также является глаголом, содержащим аргументацию трех планов: при использовании этого глагола необходим агент, тема и финальное местоположение темы в результате передвижения. Однако, хотя примеры (1) и (2) возможно представляют типичный случай, обычно интерпретация и форма моделей предложений языка не всегда может быть точно определена в результате самостоятельной спецификации основного глагола. Например, невозможно утверждать, что глагол sneeze содержит три аргумента в своем значении, хотя он может использоваться в структурной конструкции типа предложения, описанного выше:

3. 'He sneezed his tooth right across town.' (Robert Munsch, Andrew's Loose Tooth).

Представленные ниже примеры также демонстрируют тезис о том, что модели предложений нельзя однозначно прогнозировать исходя из семантики основного глагола.

4. 'She smiled herself an upgrade.' (Douglas Adams, Hitchhiker's Guide to the Galaxy, Harmony Books).

5. 'We laughed our conversation to an end.' (J. Hart. Sin. Ivy Books, New York).

Глаголы обычно встречаются с весьма широким разнообразием дополнений. Рассмотрим глагол to slice и ряд разнообразных конструкций, в которых он может быть использован.

1. He sliced the bread. (transitive)
2. Pat sliced the carrots into the salad. (caused motion)
3. Pat sliced Chris a piece of pie. (ditransitive)
4. Emeril sliced and diced his way to stardom. (way construction)
5. Pat sliced the box open. (resultative) [8, с.221]

Во всех представленных примерах глагол to slice означает: «резать что-либо острым предметом». Это конструкция с аргументативной структурой, которая иллюстрирует прямую связь между внешней формой и общими аспектами интерпретации:

«что-то оказывает воздействие на что-либо» (7a);

«что-то заставляет что-либо двигаться» (7b);

«кто-то имеет цель дать что-либо кому-то» (7c);

«кто-то движется куда-то» (7d);

«кто-то изменяет состояние чего-то» (7e).

Таким образом, конструкции можно рассматривать в качестве эффективного способа анализа как нетипичных структур или сложных предложений, так и простых, регулярно используемых в языке моделей предложений. Такой подход к данным образованиям позволяет делать выводы о типичных структурах, встречающихся, например, в разговорной речи носителей языка. В свою очередь, обобщающие модели могут выступать в роли когнитивно-семантической опоры при обучении английскому языку.

Библиографический список

1. Гендер и язык / под ред. А.В. Кирилиной. - М.: Языки славянской культуры, 2005. - 624с.

2. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс. - Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. - 276с.
3. Гендер в британской и американской лингвокультурах / под ред. Е.С. Гриценко. – М.: Флинта: Наука, 2011. -224с.
4. Кирилина А.В. Постмодернистская философия как стимул развития гендерных исследований // Язык. Человек. Общество: международный сб. науч. тр. (к 60-летию проф. В.Т. Малыгина). Санкт-Петербург - Владимир, 2005. С. 86-93
5. Колесникова М.С. Гендерные асимметрии и стереотипы в лингвострановедческих словарях // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады Второй международной конференции (Москва, 22-23 ноября 2001 г.). М.: 2002. С. 212-221
6. Коновалова С.А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки: Автореф. дис. канд. филол. наук. - М., 2005. 24 с.
7. Клепикова Т.А. Лингвистические метарепрезентации. – СПб.: Астерианон, 2008. -250с.
8. Goldberg A.E. Constructions: a new theoretical approach to language/ A.E. Goldberg // Trends in Cognitive Sciences. – 2003. Vol.7 №5. - p.219-224
9. Chomsky N. Syntactic Structures. Second edition (First edition 1957)- Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2002. -118 p.
10. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind.: University of Chicago Press, 1987. -614 p.
11. Fillmore C.J. et al. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone. / C.J. Fillmore // Language 64. -1988. – p. 501-538
12. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1988.- 617p.
13. Lambrecht K. Information Structure and Sentence Form. - Cambridge: Cambridge University Press,1994. – 388p.
14. Goldberg A.E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure.- Chicago: Chicago University Press, 1995. – 271p.
15. Culicover P.W. and Jackendoff, R. The view from the periphery: The English comparative correlative./ P.W. Culicover and R. Jackendoff //Linguist. Inq.30.- 1999. – p. 543-571
16. Kay P. and Fillmore C.J. (1999) Grammatical constructions and linguistic generalizations: the What’s X doing Y? construction./ P. Kay and C. J.Fillmore // Language 72. – 1999. - p. 1-34
17. Williams E. Remarks on lexical knowledge. / E. Williams //Lingua 92. -1994.- p. 7-34

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ

УДК 1751

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИНТЕРАКТИВНОМ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Лапина Ирина Викторовна, Штриккер Анастасия Вальдемаровна
Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза,
г. Караганда, Казахстан
ira.lapinashults.85@mail.ru

**THE USE OF MULTIMEDIA AND INFORMATION TECHNOLOGY
IN INTERACTIVE TEACHING ENGLISH AT THE UNIVERSITY**

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме использования информационных технологий в обучении английскому языку. В статье представлены преимущества и рекомендации преподавателям по внедрению современных информационных технологий в процесс обучения иностранным языкам. В статье рассматривается роль использования интернет ресурсов на занятиях по английскому языку. Роль современных технологий возрастает не только в нашей повседневной жизни, но и в профессиональной деятельности. В связи с этим возникает вопрос, как обучать английскому с использованием современных компьютерных технологий.

Keywords: изучение иностранного языка, интернет, интерактивное обучение, информационные и коммуникативные технологии, современные информационные технологии, качество образования.

Abstract

The article is devoted to the actual problem of using ICT in teaching and studying English. There are given the advantages of using ICT in foreign languages study, recommendations for teachers are brought in the article. The article observes the role of the Internet in English lessons. Technology is becoming increasingly important in both our personal and professional lives and the learners of English are using technology more and more. Therefore there is the problem how to teach English with technologies.

Keywords: foreign language learning, Internet, interactive education, information and communication technologies, modern informational technologies, the quality of education.

Nowadays the necessity to speak foreign languages is not questioned and modern communication-oriented teaching prepares students to use the foreign language in everyday life, and also it gives an opportunity for cultural, professional and personal contact with the representatives of various social traditions and social systems.

Today many major methodological innovations are connected with the use of interactive teaching methods. The word "interactive" is borrowed from the English "interact". "Inter" means "common" and "act" is "to act". "Interactive" means capable of interacting or being in a mode of conversation, dialogue with something (e.g. a computer) or someone (person) [1]. Therefore, interactive education is a dialogue training process, where is the interaction between a teacher and a student.

Interactive education is a special form of cognitive activity. It has specific and predictable objectives. One of them is to create a comfortable learning environment, where a student feels to be successful and his intellectual independence. It makes a productive learning. The essence of online learning is that during the learning process, all students are involved in the process of perception; they are able to understand and reflect about what they know and think. It takes place in the kind atmosphere with mutual support, which allows not only obtaining new knowledge, but also develops cognitive activity itself; it changes it into higher cooperation and collaboration. In order to avoid the dominance of one speaker or one opinion over the other in the classroom there is organized individual, pair and group work, applied research projects, role-playing and also there is an activity with documents and various sources of information [2]. Nowadays the usage of new multimedia technologies for the realization of interactive education is widespread. MULTIMEDIA is multivariate field, which gives the opportunity not only to get information, but also it allows to create texts and graphic information with sound, video and animation in the process of English learning. Today we have equipped classrooms with computers with Internet access. Students should have skills of information technologies using to enhance the language and knowledge of the

country. This task is impossible without the use of computers and computer programs as an integral part of modern language education.

Multimedia technologies involve the use of audio-visual and interactive learning tools such as:

- 1) software (multimedia CDs, presentations, audio, videos and Internet resources);
- 2) equipment (PCs, audio and video equipment, multimedia projector, interactive whiteboard)[3].

As for software, modern information and communication technologies provide a whole range of resources for learning foreign languages: multimedia tutorials ("Professor Higgins", "Oxford platinum", "English platinum", "Tutor in English Cyril and Methodius") and dictionaries, a huge variety of Internet resources such as educational and authentic materials in foreign languages, electronic versions of foreign newspapers and magazines, publishing and different online courses[4].

We can process material by means of special programs for the test preparation. There is a variety of advanced multimedia tutorials, where you can find enough exercise for students of all ages and different levels of knowledge.

For example, teachers of the foreign and Russian languages department of the Karaganda economical University of Kazpotrebsoyuz use the following tutorials teaching English skills: Reward, Essential Grammar in use, Face to face and etc.

Especially I would like to dwell on the features of using of interactive boards on English lessons. Software of interactive whiteboard has the following features:

- 1) During the explanation of grammatical material (for example: making different types of sentences) using of colored pencils helps to highlight important thing and focus on using of the correct form of the notional verb and position of the auxiliary in the sentence.

- 2) On the screen, you can display your ideas, to fix the working order and, if it is necessary, having the opportunity to go back to the beginning of the statement, or more sophisticated aspects of the material of the lesson (for example: the theme "The difference in the using and formation of tenses " Past Simple "and" Past Perfect ") .

- 3) The function of "drag and drop" allows you to move pictures and words when performing tasks such as "matching", "making the combination", " associating" (as contrasted with the presentation Power Point, where all objects are allocated on their places, then randomly can not be changed).

- 4) A few pictures of the lesson can be placed on one slide.

- 5) All material of the given lesson with interactive whiteboard can be saved in recording and there is no need for the teacher to write and create it all over again [5].

The program has a large collection of ready-made thematic pictures, which can also be used in class for introduction, revision, activation and control of all kinds of students' oral activities.

The using of presentations is getting more popular. They are convenient for teachers and students. The presentation, except the text, can include images, Flash animations, graphs, tables, video and music. Text can be well read by native speakers[6].

We can not say that using of multimedia in the English classroom solve all the problems, but it makes the process of education much easier. The practice of teachers of the Foreign and Russian languages Department of KEUK shows that inclusion of multimedia software gives obvious positive results:

- Multimedia-technologies accelerate the learning process;
- Improve the quality of learning material;
- Contribute to a fast growth of interest to the subject;
- Provide interactive learning;
- Allow organizing differential training, taking into account the variety of specific types of thinking and learning styles of students;
- Give the opportunity to avoid of subjectiveness of estimation;
- Develop systems of thinking, learn to analyze, collate and summarize the facts;

- Enforce the students' independence;
- Use received knowledge in everyday lives (communicate in English; translate songs, dialogues of actors in cartoons and movies).

Using of interactive multimedia technologies in the communicative teaching foreign languages greatly improves the quality of the material explanation and effectiveness of learning of this material by students. According to the experience the usage and implication of modern technology and multimedia equipment enriches the content of the educational process, increases students' motivation to learn English and there is strong partnership between teachers and students.

References:

1. Евдокимова М. Г. Компьютерные технологии обучения иностранным языкам: методологические и педагогические аспекты // Телекоммуникация и информатизация образования, 2001, № 4.
2. Ильичёва С. В. Когнитивная функция мультимедиа в компьютерных системах учебного назначения / Труды XVI Всероссийской научно-методической конференции «Телематика'2009», 22—25 июня 2009 года, Санкт-Петербург. Том 2.
3. Щеглов С.Г. Рекомендации по использованию мультимедийных учебных комплексов // ВКО ИПК ПРО. - 2005. – С. 3-7.
4. Электронные интерактивные доски Smartboard — новые технологии в образовании /<http://www.Smartboard.ru/>
5. Электронные интерактивные доски SMARTboard - новые технологии в образовании / <http://www.smartboard.ru/>
6. Mayer R. E. The Cambridge Handbook of Multimedia Learning. — Cambridge University Press. New York, USA, 2005

Электронное научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Международный научно-практический

электронный журнал

№ 1/2016

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISSN 2412-8953

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 5. Тираж 100 экз.

Издательство Научная общественная организация «Профессиональная наука»

Адрес редакции: Россия, 603037, г. Нижний Новгород, ул. Островского, 9.